

АЛЕКСЕЙ БЕРЕГОВОЙ

*СЛОВНО ПЕРВАЯ ПЕСНЯ
ДУШИ*

Маленькая повесть-эссе

2025 г

ББК 96(2Рос-Рус)83

Б-254

ISBN 978-5-87612-108-9

© Алексей Береговой., 2025 г.
© Издательство «Донской писатель», 2025 г.

Об авторе:

С открытым забралом

Каждый месяц зимой и летом, осенью и весной, в яркий солнечный день или в непогоду, я еду из далёких неоглядных Сальских степей, преодолевая путь в двести километров, в Донскую столицу, в писательскую организацию, чтобы встретиться с интересными людьми, пообщаться, оттаять душою, набраться позитива для творчества.

К счастью, прошли те годы, когда общественные организации были брошены на произвол судьбы, когда в амбициозных битвах схлестывались противоположные мнения, отрицая какие бы то ни было компромиссы, разрывая Союз на части. Это, конечно же, не способствовало творческой работе. Да, прошли пасмурные дни безрассудной студёной полемики. Наступило прозрение, как ясный весенний день. И я в который раз еду к друзьям-писателям, с нетерпением ожидая встречи.

Ростовская писательская организация с её известными и талантливыми авторами продолжает жить, творить, создавать.

У донских читателей и литераторов появился новый долгожданный солидный литературно-художественный журнал «Дон_новый», в котором публикуются работы писателей не только Ростовской области, но и Краснодарского края, Ставрополя, Ингушетии, Дагестана, Москвы, Вологды... да и всей России. Читателям есть, где утолить духовную жажду, освежить свои мысли и чувства.

С января 2010 года начался выпуск литературной газеты «Донской писатель». Наряду с художественными произведениями писателей газета освещает культурную жизнь на Дону, предоставляет читателям авторские размышления, литературоведение, знаменательные даты, литературные события.

Для писателя журнал и газета необходимы, как трибуна — оратору, как сцена — артисту...

Конечно же, в возрождении и укреплении нашей писательской организации огромная заслуга председателя правления Ростовского регионального отделения Союза писателей России, талантливого писателя Алексея Берегового.

В юные годы Алексей пробует себя в творчестве: пишет стихи и рассказы. В 25 лет он твёрдо осознаёт, что литература становится главным занятием его жизни. Писательский родник забил в душе молодого автора обильно и плодотворно.

В начале 1990 года увидела свет его первая книга «Свои и чужие», где автор с искренней сердечностью пишет о сельских жителях, о влекущей природе нижнего Дона и Приазовья. Пишет и с любовью, и грустью, и юмором. В рассказе «Красавчик» невозможно не влюбиться в чудака Михаила Чепурного, простого работающего селянина, который рассказывает попутчику о своей жене и, якобы, не доволен ею за то, что она называет его «мой красавчик». «Ну, какой я красавчик? - говорит он, - лицо обветренное, загорелое, на ладонях мозоли...» И всё же, втайне, он доволен женою. А в рассказе «Эх, Фаина...» мы, читатели, замерзаем в дороге вместе с водителями-дальнобойщиками и негодует от равнодушия, а вернее, от бездушия автозаправщицы Фаины: ей всё равно, даже если погибнут люди.

Через год выходит следующая книга, роман «Красные огни», в котором говорится о первой юношеской любви, с её страданиями, сомнениями, надеждами, робостью и стремлением к взаимности. Читатель переживает вместе с героями, ностальгируя по своей прекрасной юной поре, пытается мысленно, как бы, подсказать, посоветовать, помочь молодым людям в их нескладных, невинных и наивных отношениях. Обидно, что всё заканчивается размолвкой. И хочется успокоить себя словами дворовой песни: «На то она и первая любовь, чтоб быть ей не особенно удачной...»

В 2001 году читатели знакомятся с очередной книгой «Переправа». Интересны рассказы «Птицы и люди», «Переправа», «Сарафан». Читая трогательный рассказ «Игрушка», в котором пишется о брошенной собаке, мне показалось, что я его где-то встречал? И вспомнил, — так он крепко запал мне в душу, — 30 лет назад мы с А. Береговым были уже рядом, хотя и на странице газеты. Его рассказ «Игрушка» и мои стихи «Монтёры», «Без тебя» напечатали в Литературно-художественном приложении №1 «Донское слово» к газете «Молот», от 30 сентября 1989 года. Так мы «подружились», не зная, лично, друг друга.

В первых книгах Алексея Берегового есть всё, что нужно читателю для души, для «ума и сердца».

И вдруг, неожиданно (для меня), Алексей Береговой обрушивает на читателей детективные романы, а точнее, я бы сказал, боевики с разгулом жестокости и насилия: «Подстава», «Капкан», «След рубина». По ним бы снимать современные кинотриллеры... Персонажи — отпетые «головорезы». Грубость сквозит и в их речах, и действиях. И здесь уже не до лирики, не до сердечных вздохов. Но это не вина автора: он описывает жестокое время 90-х годов. И всё же находится положительный герой, молодой детектив, который борется с «нечистью» и мечтает о любви. И автор, как человек неравнодушный, наверняка, не мог об этом не написать. Я уверен, что и отрицательные коллизии в произведении учат положительному восприятию жизни. А для читателей главное в детективных романах А. Берегового — уследить за стремительными, захватывающими зигзагами сюжетов.

Наступило уравновешенное время. Казалось бы, успокойся и ты, автор. Ан, нет. Не таков Береговой. Очередная книга миниатюр «Офигеть» — поразительный калейдоскоп событий. Перед моим взором лихо промчались сюжеты его рассказов, небольших, но ёмких по содержанию, расцветенных юмором, сатирой, сарказмом.

В своих мини-произведениях автор улыбается, смеётся, возмущается, обличает людские пороки. Не каждый способен рассмотреть, расслышать быстро мчащиеся мгновения нашей парадоксальной жизни. В миниатюрах он раскрывает и преподносит нам ошеломляющие мысли, от которых мы восторгаемся или негодуем.

Он болеет душою за нашу многострадальную Родину — это мы чувствуем в повествованиях «Забыть Карамзина?», «... понятия совесть и банкир соединить практически невозможно...», «телевидение — такая моральная «атомная бомба», направленная на общество».

Нельзя без смеха читать: «С наступившим XXI веком!», где Б. Ельцину объясняют на примере водочных бутылок, в каком году начнётся XXI век. Как тонко и с юмором А.Б. говорит о псевдоискусстве: «Чёрный квадрат» Малевича — это живопись? Подведите ребёнка к этому «квадрату» и спросите, что он видит? Малыш вам скажет точно: «Чёрный квадрат». И больше ничего».

Забавно и с иронией автор повествует о словесной чехарде: «Интересно, когда негра называют афроамериканцем, у него кожа светлеет или нет?» Телезагадка: «Новые модели женских пальто, по старым ценам». «Дмитрий Медведев сказал: « У нас сейчас везде подъём». Остаётся только добавить: «Особенно в ценах...».

Не прошла незамеченной изустная безалаберность тележурналистов: «музыка Вагнера и Страуса», «Весь самолёт совершил вынужденную посадку», «поправляет своё закалённое здоровье», «сто юных казачат», «сорвут аплодисменты с ростовчан», «она классически визжит».

С теплотой говорит Алексей Береговой в миниатюрах о простых людях, о друзьях, о земляках: «Буксирнул самолёт», «Покатали», «Запах рыбы», «Толстолобик», «Великое чувство справедливости», «Подарок Дона-батюшки». И рассказывает

с любовью о детях: «Кто море насолил», «Дядька Хока», «Офигеть!», «Философские расклады».

Читая эту книгу жизненной круговерти, становишься чище душою.

Алексей Береговой — большой писатель и в литературном смысле, и визуальном. Внешне кажется задумчивым, хмурым и даже суровым... На самом же деле он открыт, раним и справедлив. Даже «поверженных в баталиях» он прощает. И даёт им возможность возродиться и вступить в строй нашего творческого коллектива.

Недавно прочитал его эссе, где он пишет о себе. Откровенно, без позы и похвальбы, — как на исповеди. Честно говоря, я не ожидал такой открытости. И ещё больше стал ему доверять.

«Творчество каждого писателя соответствует характеру. Какой у меня характер?» - спрашивает у себя Алексей Григорьевич. И отвечает: «Я человек прямой и порой резкий, за что, думаю, возможно, некоторые у нас в отделении меня недолюбливают. Иногда во мне проявляется склонность к авантюрам, — наверное, потому порой и делаю глупости, например: замена своей творческой деятельности на административную, да ещё бесплатную. Задаю себе вопрос: «Нужно это тебе?» Но продолжаю делать».

А вот мудрое высказывание А. Берегового, не в бровь, а в глаз: «Никогда никому не завидовал. И всегда говорю завистникам: «Шолохов написал «Тихий Дон», чему ты завидуешь? Просто возьми и напиши лучше, кто тебе не даёт?» И дальше: «Больше всего не терплю в людях лицемерие, ханжество, непомерные амбиции, и особенно зависть и предательство. С детства воспитан на преданности дружбе и верности данному слову».

Я понимаю: у каждого из нас свои душевные заморочки, слабости. И только оставшись наедине с собой, становишься самим собой. Уходит напускная артистичность, исчезает

стремление казаться перед людьми таким, за кого ты себя пытаешься выдавать. А сбросив на время нелёгкую эту ношу, сам себе не соврёшь и себя не обманешь. Так что, не надо понапрасну пыжиться и раздуть щеки. Тебя обязательно оценят.

Алексей Береговой — Боец и Локомотив на нашем литературном поприще. И я стараюсь его понять и по возможности поддержать в делах и «битвах». Есть у него замечательная фраза: «Отдыхать нужно не там, где тебе устроен повышенный комфорт, а там, где у тебя есть друзья». Он не раз был в гостях у нас, в Сальских степях, встречался с читателями в библиотеке и отдыхал на Маныче с друзьями. Здесь, у реки, ему пишется легко.

Накрепко запала мне в душу поездка с Береговым в Москву, в Союз писателей России, где мы встретились с известными авторами, в том числе и с классиком русской литературы Станиславом Куняевым, главным редактором журнала «Наши современники», истинным патриотом России, пропагандирующим русскую культуру. Побывали в легендарном писательском посёлке Переделкино, на дачах Корнея Чуковского, Булата Окуджавы, Евгения Евтушенко. Вид посёлка удручающий: вокруг беспорядок, мусор. Сосны и ели, красовавшиеся ранее в советское время, сейчас, как после бурелома: обломаны, высохшие, в пыли... Одно успокоило: вручили мне в Переделкино бесплатный билет на завтрак. И теперь я могу с полной уверенностью сказать: «Литература меня кормит».

И вот вновь роман Алексея Берегового — «Дорога на Селендер». Но это не боевик, это совершенно другой роман. Потому, как — другое время. Автор пишет об увлекательном приключении героя, вынужденного путешествовать по всему миру. Раскрывает характеры персонажей, высказывает своё мнение через действующих лиц о политической и нравственной жизни России и Европы. И параллельно, с сегодняшней явью, как будто ничем не связанный с ней, предстаёт перед чита-

---

телями другой, фантастический мир. Но фантастика здесь не та, от которой хочется бежать, спасая голову, и о которой я говорю: «Если писателю не о чем сказать людям, он берётся за фантастику». В данном случае герой попадает в прошлые века, где преодолевает путь с хазарским войском. Это наша история, и мы должны её знать.

Алексей Григорьевич Береговой, член Союза писателей России с 1991 года, член правления Ростовского отделения с 1993 года, с октября 2011 года — председатель правления Ростовского отделения СПР. С января 2012 да член правления Союза писателей России, секретарь правления Союза писателей России. Издал 19 книг прозы: романы, повести, рассказы, эссе, очерки. Творчество его оценено по достоинству: в 2012 году он награждён Почётной грамотой Союза писателей России «За большой вклад в современную русскую литературу». В 2017 году награждён Золотой медалью им. В. М. Шукшина за большие достижения в русской литературе, в 2018 году – литературным орденом им. М.Ю. Лермонтова, в 2025 году Высшим наградным знаком СП России «За заслуги в литературном творчестве».

Смысл своей жизни Алексей Береговой видит в литературном творчестве и в нём он — талантливый мастер художественных интриг и загадок, умеющий неотрывно держать читателя в напряжении до последних строк произведения.

Алексей Глазунов, член СП России, Ростовская область..

СЛОВНО ПРЕРВАННАЯ ПЕСНЯ ДУШИ

Маленькая повесть

Посвящается всем моим сослуживцам по УЦБПА г Астрахань 1967-1969 гг., особенно — лётчикам, техникам и механикам нашей славной второй эскадрильи подполковника Иовлева.

*«...У каждого из нас на свете есть места,
Что нам за далью лет всё ближе, всё дороже.
Там дышится легко, там мира чистота
Нас делает на миг счастливей и моложе...»*

Игорь Тальков

1

Возможно, на свете много таких чудаков, которые бы захотели бросить все дела и помчаться на встречу с юностью или с чем-то другим, дорогим сердцу, даже если минуло уже целых полвека и на такое свидание наивно надеяться. Да бывает подобное в жизни, и что-то же вызывает в нас эти желания? Ностальгия?

Скрытое стремление поспорить со временем, победить невозможное? Или пустая надежда вернуть былое, прожить его заново? Или ещё что-то? Как знать?..

Наверное, не мало людей хотело бы так поступить, но редко кто идёт навстречу этим порывам души, бросает всё отчаянно и дерзко, — чаще руководствуется здравым смыслом. Отказывается от своих желаний по разным уважительным и не очень — причинам. И тогда мечта навсегда остаётся лишь мечтой. Но, как говорится, всё же «чудаки на свете случаются», — они бросают все свои дела и едут, едут навстречу щекочущим надеждам в предвкушении ощущения выполненной миссии, реализации этой самой давней мечты. Пытаются люди иногда обмануть самих себя...

К таким «чудакам», наверняка, можно отнести и меня. Долго мечтал «в тайне от себя», и вот решился, поехал. Через пятьдесят четыре года после того, как покинул эти места... Места мало приветливые, не слишком подходящие для обитания. На первый взгляд...

Но места эти были частичкой моей юности, которая проходила в замечательном городе Астрахань, вернее, на военной авиабазе под Астраханью, куда я был направлен для прохождения дальнейшей службы после окончания школы младших авиационных специалистов (ШМАСа). Впервые ступил я на астраханскую землю 13 октября 1967 года — запомнил дату, вероятно, потому, что, едва зашёл с двумя своими попутчиками в кубрик теперь моей — второй эскадрильи, как висящий на стене красный репродуктор, словно дождавшись нашего прибытия, объявил приказ министра обороны маршала А.А. Гречко о сокращении срока службы с трёх до двух лет.

Кубрик, так почему-то на морской лад называли помещение на три десятка солдат, в котором бытовала наша эскадрилья, находился на третьем этаже большой кирпичной четырёхэтажной казармы в самом центре военного городка-базы, сразу же на-

полнился восторженными воплями. Выходило, что моя служба здесь начиналась с радостного события. Это же надо: служить на целый год меньше? И год уже отслужил. Всего-то осталось... Но радость — это кому как! Не все солдаты эскадрильи кричали «Ура!» по случаю приказа и веселились, — были и другие, — каждый воспринял эту новость по-своему. Особенно запомнилось мне, как один сержант, который уже собрался на дембель, в сердцах плюнул и сказал:

— Ну что за год рождения у меня такой — сорок пятый! Всё нам не везёт! В школе закончили одиннадцать классов — и «на тебе», — больше не надо, вернули десятилетку. Теперь вот сюрприз: отбарабанив полные три года, слышишь такую подлянку: теперь всем — два года! Опять сорок шестому везёт, поедет следом за нами...

Мой, сорок седьмой год, молчал, ему ещё не положено домой собираться. Да потом так и вышло — сорок шестой ещё дослуживал до трёх лет, и только нам, сорок седьмому, выпало по два с половиной года, так что скостили нам всего-то полгода, но это было тоже кое-что. И только сорок восьмой год уже по праву стал полным двухлеткой.

Забегая вперёд скажу одну удивительную, на мой взгляд, вещь: с нетерпением ожидая демобилизацию, как и все срочники, желая побыстрее попасть домой, приехав в Ростов и побродив с месяц по «пустынному» Лендворцу, из которого куда-то исчезли все мои доармейские друзья и подруги (кто-то отправился, как и я, в армию, кто-то вышел замуж или женился, а кто-то просто исчез в неизвестном направлении), я вдруг страстно и нестерпимо захотел вернуться в свою часть, к своим друзьям, ну, хотя бы — сверхсрочником, ну, хотя бы ещё на год, и только понимание того, что тех ребят, с которыми я служил, уже тоже нет в полку, что там теперь новые, незнакомые мне люди, а так же вспоминание тех печальных лиц парней, всё же оформивших контракты «сверхсрочников», не позволяли мне сделать решительный шаг. Но «прирос» я, видимо, к армейской жизни, к авиации накрепко. Постепенно тоска ушла, — я обзаводился новыми привычками, стремлениями и делами.

«Да, уже пятьдесят пять лет прошло с того дня, — думал я, глядя в окно вагона на синеющую каким-то металлическим отливом, бескрайнюю, плоскую, как стол, степь. — Наверняка, две трети населения нынешней Астрахани в те годы ещё не родилось, а многих, живших тогда, уже нет. Вот и поспорь со временем...»

2

«Астрахань» для меня началась, как только проехали город Волжский, потому что очень скоро за мутноватым окном вагона открылась та самая, знаменитая астраханская степь, как говорят, бывшее дно Каспийского моря.

Странно, но унылое однообразие степи не нагоняло на меня скуки, не вызывало потерю бодрости духа и хорошего настроения, и, как оказалось, если внимательно к ней, степи, присмотреться, то не такой уж унылой и однообразной эта степь выглядела, но уникальной — это точно... И то, что мысли она навевала ностальгически приятные, — это тоже так...

В октябре месяце закончилась наша учёба в Могилёв-Подольской школе младших авиационных специалистов, и нас начали распределять по боевым частям для прохождения дальнейшей службы. Парни, с которыми я провёл под одной крышей школы одиннадцать месяцев, и увидеться с которыми когда-нибудь ещё раз не было никаких шансов, постепенно разъезжались, и казарма наша пустела, как бы увеличиваясь в размерах, и каждый звук теперь гулко раздавался в зреющем вакууме большого помещения, подчёркивал эту самую пустоту. И когда командир нашей второй учебной роты майор Гладков предложил мне самому выбрать место службы: Липецк или Астрахань, я подумал: «Липецк я знаю где, — это между Ростовом и Москвой, но не представляю его себе», — и, вспомнив курские зимы пятидесятых годов, ещё подумал: «Зимой там, наверное, железный колотун и снега по пояс. А я, как южный человек, зиму не люблю, потому мне Липецк явно не подходит. А вот Астрахань? Астрахань это где-то на широте Ростова, значит, тоже юг, кроме того, там есть Волга, значит всё похоже на Ростов, да и заскочить домой по пути, наверное, удастся...» И я выбрал Астрахань.

Во всех моих рассуждениях совпало лишь то, что мне, с двумя моими попутчиками, всё же удалось заскочить ко мне домой ровно на пять часов между киевским и волгоградским поездами, в остальном же мои выводы оказались весьма далёкими от истины. И южная астраханская природа была мало похожа на южную ростовскую, она была намного жёстче даже «северной» липецкой, — давила не холодом, давила летом изнуряющей жарой, а зимой — дикой стужей, и всё из-за почти непрерывного сильного, точно из мощного вентилятора, ветра, — зимой ледяного, весной наполненного песочной пудрой, которая, подсыхая, проникала во все отверстия человеческого тела, и так, что человек постепенно переставал её сплёвывать, а летом — горячего, словно из калорифера. Ветер постоянно кружил по обширной прикаспийской яме, образовавшейся из-

за снижения уровня Каспийского моря в то время на двадцать семь, как говорили, метров, часто менял направление, не теряя силы, на прямо противоположное.

Степь зеленела в апреле-мае чахлой травой и к июню уже под горячим ветром зелень быстро становилась чёрной — степь выгорала без пожаров, оставаясь такой до следующей весны.

И только в октябре, ветер уходил куда-то отдыхать, видимо, набираться сил на зиму, вместе с ним исчезала и жара, прихватив с собой ещё один местный бич — полчища комаров, с которыми нам приходилось вести непримиримую войну. Порой, бывали такие особые июльские ночи, когда жара и тьма злодеев действовали в особо тесном и слаженном сотрудничестве: жара не позволяла нам укрыться простынями с головой, комары же — не давали возможности раскрыться, а всякие аптечные мази и жидкости плохо помогали, тогда мы перекочёвывали с постелью в душ, в котором никогда не было горячей воды (солдату положена горячая баня, а не горячий душ), и там мочили всё: простыни, ватную подушку, байковое одеяло, самого себя — это давало возможность укрыться на койке с головой и проспаться часов до пяти утра — к этому часу постель успевала высохнуть. Наверное, это придумал какой-то солдатский гений! Тогда я не понимал, почему в Ростове комары появляются по погоде: перед дождём, при падении атмосферного давления, а здесь — они были всегда до глубокой осени и ничего их не смущало.

И тогда мы всё своё свободное время проводили на стадионе нашего военного городка, но не ради футбола, а ради того, чтобы понежиться на тёплом, уже не пекущем, солнышке и кожей ощутить тихое безветрие.

И вот астраханская степь вновь открылась передо мной: ровная, гладкая и бескрайняя, какого-то маслянисто-илистого, чёрного цвета, что говорило об отсутствии на ней песка. Но это была ещё не та степь, на которой расположилась наша авиабаза, — глиняно-песчаная, полупустынная бугристая степь была ещё впереди.

Удивительным образом степь просматривалась вдаль. Не знаю почему, но любая точка на её поверхности, изображавшая человека, овцу, трактор или какую-то постройку в степи просматривалась так чётко и далеко, будто смотришь на неё сквозь телескоп или хотя бы мощный бинокль, который не увеличивал изображение, а только придавал ему чёткость, приносил ощущение реальности. Изредка, из бегущей навстречу дали выступали какие-то постройки — чаще всего низкие кашары рядом с человеческим жильём, бродили отары овец, и даже попадались какие-то возделываемые участки под помидорами, какой-то непонятной густой зеленью и бахчами. Светлыми парными нитками в разных направлениях чертили степь, видимо, «самопроложенные» автомобильные дороги. А рядом с железкой долгое время бежало неширокое, довольно старое асфальтированное полотно, пока куда-то не исчезло.

Изредка встречались небольшие города и посёлки. Один из них — Капустин Яр — я знал и встретил его, как первого старого знакомого. В дни моей службы тут был полигон, куда пятая эскадрилья нашего полка, который тогда горделиво носил название «Учебный центр боевого применения авиации Варшавского Договора», запускала беспилотные авиамшени, с двигателями от самолёта МиГ-15, которые запросто могли бы потащить и пятьсот килограммовую бомбу, но использовались лишь в дружеских целях, и лётчики, как наши, советские, так и «демократы» из Варшавского Договора, проводили по ним учебные стрельбы. Иногда, говорили, что иногда там стреляли по нашим мишеням и наземные ракетчики. Откуда? Нам было неизвестно.

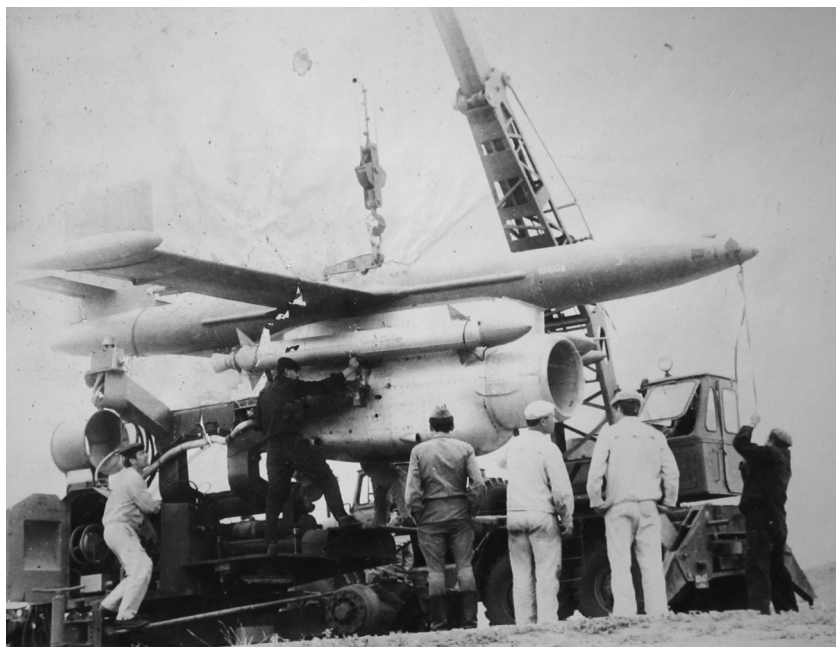
Но главными приметам того, что прошло уже более полувека и давно уже сменилось государство, была какая-то убогость и запущенность этих посёлков, станций и полустанков, мимо которых проходил или изредка ненадолго останавливался наш поезд, часто проступали следы откровенной разрухи, остатки чёрных пепелищ пожаров, и создавалось впечатление, что всё тут стало

стране ненужным и потому было брошенным, а местные жители, по всему, просто и бессрочно выживали, не имея других вариантов бытия и надеясь лишь на самих себя. Короче, край был и раньше не слишком цветущим, трудным, полупустынным, а ныне и вовсе стал ненужным. Теперь тут правили другие ценности. И ничего в этом удивительного, — государству стали вдруг ненужными большие заводы или сельскохозяйственные гиганты, производящие для населения и страны всё и вся, так что говорить о необходимости стране этой малолюдной и бескрайней степи на севере Астраханской области, — своего рода «моста» для перехода из Калмыкии в Казахстан, — в общем-то, бессмысленно. Возможно, она сейчас, степь эта, используется только в военных целях, а может, там есть ещё что-то, чего я не заметил, а потому судить справедливо не могу. Но повторяю, что вид её не приносил мне уныния и потерю настроения, — всё было как раз наоборот, настроение было отличным, ожидания большими — степь не вызывала скуки, и чувствовал я себя так, словно ехал после долгой разлуки на встречу с когда-то любимой женщиной.

Когда поезд уже приближался к Астрахани, степь исчезла в черноте августовской ночи, и только совсем рядом — протяни руку — череда огней, за которой издалека виднелась золотая россыпь света, указывала на то, что мы подъезжаем к большому городу. Но поезд шёл и шёл, а ровная линия огней всё так же висела в воздухе слева по ходу состава, казалось, на расстоянии протянутой руки, и это её застойное постоянство уже начинало вызывать нетерпение. Потом пошли какие-то протоки или речки, которые поезд перескакивал по гулким мостам, а линия огней неожиданно исчезла вместе с россыпью, теперь вызвав недоумение своим исчезновением, — казалось, она должна была вывести нас прямо к вокзалу, но нет... Наконец, вдоль полотна железной дороги пошли какие-то строения, и я понял: мы въехали в город Астрахань. Ещё минут десять, и состав закрипел тормозами.

3

Вокзал я узнал сразу, и это вызвало новый прилив хорошего настроения и бодрости духа. Здание вокзала было другим, видимо, заново отстроенным, но строители догадались оставить старый вокзальный купол в виде квадратной узбекской тубетейки чёрного цвета, который был похож на крышу караван-сарая, увидев его, я снова возрадовался, словно встретил хорошего старого знакомого. В мой первый приезд, вокзал показался нам тупиковым, ветка на Махачкалу проходила где-то рядом, но мимо и мы не знали, где... Тогда нам подумалось, что именно здесь и был «край света», в который, словно в невидимую стену или море, упирался блестящими полосками рельс, заканчиваясь, железнодорожный путь, и, выйдя из вагона, я тогда неожиданно подумал с унынием: «Ну вот, приехали на край Ойкумены...» Идентичность конечности пути и края света была полной.

Загрузка радиоуправляемой мишени на катапульту.

Вновь забегая вперёд, хочу сказать, что через полтора года, я буду уезжать отсюда совсем с другими чувствами и мыслями, даже — с какой-то непонятной тоской расставания с этим городом и этой жестокой, колючей степью. Возможно, уже тогда во мне зародилось желание, когда-нибудь вернуться сюда и пережить всё заново. Это желание не исчезало во мне все эти годы, и, наверное, почувствовав, что оно уже может и не исполниться вовсе, я, наконец, сорвался, бросил всё и поехал...

Поезд прибыл около десяти часов вечера, и первое на что я обратил внимание: конец августа, но, ни комаров, ни ветра не было. Может, потому, что это был город, в котором всегда не было ветра и комаров, — это же не та глухая полупустынная степь по-над Волгой, которую я помню? Или как?

Гостиница под громким названием «Апарт-отель» находилась в двух шагах от вокзала, номер на втором этаже, который я забронировал через Интернет, оказался вполне приличным: в нём было всё, что нужно путешественнику для отдыха и жизни, и даже две кровати для одного постояльца. Я уснул с чувством удовлетворения человека, сделавшего успешно первый шаг к своей цели, которую завтра мне придётся осуществлять уже конкретно: мой выход в город для второго знакомства с Астраханью...

Гостиница пристроилась на небольшой площади с рядами ларьков и продуктовых киосков вдоль железной дороги, и утром, чтобы выйти в город, мне пришлось снова пройти сквозь здание вокзала. И тут передо мной открылась широченная, явно перепланированная и перестроенная, привокзальная площадь с остановками городского и междугороднего транспорта (на площади, казалось, сходились все автобусные маршруты города), магазинами во главе с большим двухэтажным «Магнитом», потоком машин, через который спешили куда-то пешеходы. Передо мной было то, что я никогда ещё не видел и не знал: площади этой, я думаю, полвека назад просто не было, иначе я бы её запомнил. Вместе с вокзалом, знакомый квадратный купол которого, приветливо мне «улыбался», как старому приятелю,

площадь была первым проявлением новой, неизвестной мне, современной Астрахани. На какие ориентиры я мог рассчитывать? Какие цели ставил я себе в этой поездке?

Цель была одна — увидеть и почувствовать город, в котором провёл почти два года своей юности, а главное, — узнать и обязательно увидеть, если она ещё существовала, свою авиабазу: военный городок, где когда-то жил в казарменном кубрике эскадрильи, и аэродром (пусть издали, ведь до его «гражданского «кармана-стоянки» с маленьким аэровокзалом, тогда ходили городские автобусы), и где я выполнял свой воинский долг. На всё и про всё у меня было три дня — обратный билет был уже на руках.

Для начала нужно было найти главный ориентир: старинный Астраханский Кремль. Перешёл площадь, разузнал на остановке маршрутных такси, каким номером мне можно до Кремля добраться, сел в жёлтую «Газель» и поехал, — всё было просто.

Какая улица в Астрахани считается центральной, приезжему человеку понять трудно. Скоро широкая улица (Победы), ведущая от привокзальной площади в центр города, превратилась в хитросплетение узких улочек, явно старой застройки, потом маршрутное такси перебралось через небольшую речку или протоку и выскочило на какую-то широкую улицу, потом снова старые кварталы, и уже вдоль Кремля со стороны Волги, улица вновь приобрела величие проспекта (Адмиралтейская).

Кремль оказался не так уж далеко, и я выскочил из маршрутки на остановке у одной из башен крепостной стены, постепенно начиная узнавать свой главный ориентир, который поможет мне найти и другие приметы той, старой, но теперь мало знакомой мне Астрахани.

Тогда на южной стене Кремля висел большой план Астраханской крепости (Кремля) времён её основания (1558 г.), на котором со стороны нынешней площади Ленина чётко было нарисовано плещущееся у самой стены крепости Каспийское

море, и даже лодки у причала были художником показаны, а две другие стены омывали волжские рукава. И сейчас вода от Кремля находилась довольно близко, но это была Волга и её протоки, но не море. Как говорили тогда, за четыреста лет море ушло от крепости на 90 километров.

Надо сказать, во время службы мне часто приходилось бывать в астраханском Кремле, где тогда находился гарнизонный Дом Офицеров. Наш военный городок был в семи километрах от единственного в то время автомобильного моста через Волгу, включая и проезд через правобережный посёлок «Трусово», который протянулся километра на три одинокой асфальтированной улицей среди некрашенных и почерневших от времени деревянных изб и домишек. Дорога эта огибала наш военный городок и заканчивалась у небольшого гражданского терминала нашего аэродрома — местный гражданский аэропорт Нариманово имел земляное покрытие, и потому тяжёлые аэрофлотовские самолёты и другие большие машины садились на нашу полосу и взлетали с неё..

Помню, не доезжая с километр до ворот нашей базы, на обочине стоял одинокий дорожный указатель с надписью на стреле направления «Элиста», и количество километров до неё где-то в районе трёхсот. Указатель был направлен влево, в глухую, «дикую» пустынную степь, и казался мне очень печальным, — отсюда начинался «бесконечный» глиняно-песчаный шлях в триста километров, нарезанный в почве полупустыни обыкновенным грейдером. Указатель как бы обещал путникам все превратности дороги через пустыню, особенно летом и зимой. И тогда казалось, что при сильной жаре и неухоженности «грейдера», мало кто решится на поездку по этому шляху — в случае поломки надежды на чью-то помощь были очень сомнительны. Трудно было представить, что на этой дороге до Элисты могли быть какие-то населённые людьми пункты. Возможно, мне это только казалось, — машин в ту сторону действительно ходило

мало, но они были. «Теперь, — подумал я, — на месте этого указателя какая-нибудь городская улица, а дорога, наверняка, уже асфальтирована...»

В увольнение мы ходить не очень любили, хотя «сидение» в казарме тоже изрядно надоедало. Нас увольняли в город с 17 до 22 часов, в центр города нас «подбрасывала» дежурная базовская машина, обратно нужно было добираться самостоятельно, а последний автобус из города к нам отправлялся в 19 часов. То есть на всё увольнение вместе с дорогой выпадало каких-то два часа. Туда добрался, и уже пора собираться обратно, — потому мои сослуживцы не очень-то желали ходить в увольнение. Если только нужно было купить что-нибудь в городе.

Зато патруль из нашей части уезжал на инструктаж коменданта города в 16 часов и возвращался патрульной машиной в 23-30. А в чём заключалось патрулирование спокойной Астрахани? В основном, в приятных прогулках по городу с разглядыванием прекрасных женских мордашек (в условиях почти полной нашей изоляции от женского общества, все девушки Астрахани казались нам прекрасными принцессами. Но и теперешняя моя поездка подтвердила, что не только тогда «казались» они нам красотками, но и сейчас в Астрахани, видимо, в силу многочисленных этнических перекрёстков, очень много красивых девушек и женщин). И обязательное посещение патрулём Дома офицеров, где по субботам и воскресеньям проводились танцы, — танцевать с повязками «Патруль» на рукаве и солдатскими воинскими званиями не полагалось, никаких шансов на знакомство с кем-то перед блестящими молодыми и денежными офицерами у нас не было, а вот наблюдать — это уже прямые обязанности патруля. И мы наблюдали и от наблюдения получали удовольствие.

В общем, наряд в патруле имел большие преимущества перед увольнением на отдых. Главное, «не пить пива», потому что комендант города подполковник Бакаев говорил нам на инструк-

тажах патруля, что запах водки он ловит носом на расстоянии в пять шагов, а запах пива за двадцать пять. Так что, если выпил водки, близко не подходи, если пива — беги со всех ног прочь. Но лучше ни то, ни другое. Впрочем, за все мои походы в этот наряд по городу, никаких проблем в дежурстве патрулей не случилось...

Но что греха таить, — без выпивки иногда не обходилось. Понемногу, по чуть-чуть.

Однажды техник полковой «спарки» старлей Володя Синеглазов, в тот день — начальник наряда патруля, привёл нас, троих патрульных солдат, к себе на холостяцкую квартиру и показал кое-что. Он открыл дверцы встроенной в стену кладовки, и мы увидели полки, сплошь уставленные разнообразными бутылками с завинчивающимися пробками. Бутылки были наполнены какой-то прозрачной жидкостью.

— Благородный спиритус вини, — понимающе, но несколько хвастливо, сказал Володя. — Хотите тяпнуть?

В ответ мы только пожали плечами. Володя был всего на пять лет старше нас, и эта странная его хвастливость была нам понятна. Самолёты нашей эскадрильи «МиГ-21» были оборудованы пятилитровыми бачками, куда наливалась противообледенительная жидкость — чистый медицинский спирт, вполне пригодный для внутреннего употребления. И дальше была забота лётчика: сколько спирта израсходовать на лёд, сколько оставить «обществу». Затем наступала забота техника: сколько слить: и лётчику, и начальству, и себе. Очень редко спирт перепадал и нам механикам...

— Когда-нибудь угощу. — сказал Синеглазов.

Он что-то взял в шкафу, и мы вышли на улицу, — а вдруг Бакаев встретится?!

за стенами Кремля, хорошо, что вдоль южной (как мне кажется) стены протянулся тенистый бульвар, на котором там и сям прямо на газонах расположились горожане — воскресный день обещал быть жарким, потому астраханцы отдыхали на траве в тени деревьев.

Первое, что я увидел, подходя к входным воротам Кремля, была высокая колокольня над входом, — она была той же самой, что и полвека назад, но тогда — простой, покрытой белой извёсткой, не вызывавшей у меня восхищения, возможно, из-за молодости моей и других интересов, теперь же эта колокольня выглядела нарядной и сверкающей, она приветливо волновала такого посетителя, как я, своей высотой и архитектурным стилем, отделкой.

Слева от входа красовался великолепный православный собор, тоже, видимо, возрождённый, в те годы, судя по всему, закрытый, а ныне действующий.

Кремль и тогда был довольно ухоженным, — весь беленький от известки, с покрытыми каменными плитами дорожками, он приятно веял стариной и видениями воинов в шлемах и с копьями на стенах, но то, что я увидел сейчас, ухоженным назвать уже нельзя было, что, честно говоря, меня сильно удивило. Кремль стал блестящим сооружением, и хотя стариной от него уже веяло гораздо меньше, теперь он явно стал визитной карточки города для туристов и приезжих гостей. Правду говоря, я такой его ухоженности совершенно не ожидал, и мне это нравилось.

Все старинные здания и сооружения Кремля были в отличном состоянии, в каждом находилось что-то историческое, каждое для чего-то было предназначено, — просторный двор сквозь зелень многочисленных деревьев и газонов пробивали ровные исправные проезды и дорожки, стояли скамьи для отдыха.

Всё это в коротком очерке подать невозможно, — чтобы подробно описать Астраханский Кремль, нужна более объёмная, гораздо более точная и профессиональная работа со знанием

дела, за которую я не берусь. Да и есть, наверняка, такие описания специалистов — научные или популярные, но у меня иная цель...

Жаль только, что на посещение храмов и музеев Астраханского Кремля у меня просто не хватало времени. Я просто не учёл их по незнанию...

Побродив и посидев на лавочках часа четыре, выпив кофе с булочкой в маленьком кафе, и купив сувениры в расписной лавке у входа в Кремль, а через улицу в специализированном магазине — баночку чёрной икры — подарок маленькой внучке (на эту баночку мне в магазине выдали справку-разрешение на провоз), я вышел на остановку маршрутки и поехал в гостиницу отдыхать — больное колено уже настойчиво напоминало о себе...

План на следующий день был такой: с утра вернуться к Кремлю и, пользуясь им как ориентиром, поискать в центре города визуально или с помощью зрительной памяти, или узнать как-то здания, улицы или скверы, по которым когда-то пришлось ходить (в частности, найти кинотеатр «Октябрь» с огромными финиковыми пальмами в кадках высотой до потолка застеклённого трёхэтажного вестибюля, и книжный магазин почти рядом с ним, в котором я когда-то купил голубую полиэтиленовую пластинку в бумажном конверте с четырьмя песням практически никому неизвестной тогда в Союзе семнадцатилетней девчонки (что не помешало изданию в СССР её персональной пластинки), — она уже тогда была настолько великой, что сумела в столь юном возрасте перебраться через всю Европу в магазины звукозаписи на её восточной окраине. Что-то подвинуло меня на эту покупку, возможно, портрет на обложке конверта, возможно, молодость певицы: купил и, в первый раз прослушав «Прощай ночь», «Парижские мосты», и ещё две песни, больше уже никогда не изменял ей — звали девчонку Мирей Матье.

Для меня было очень важно найти и эти приметы ушедшего времени. Но пятьдесят лет — это очень большой его отрезок, который многое безвозвратно меняет...

А после «обеда» я намеревался отправиться на поиски следов своей воинской части или аэродрома, тем более, что я успел заметить совсем недалеко от вокзала новый для меня мост через Волгу, который, на мой взгляд, должен был сократить путь до цели.

Но утром раньше на остановку подошла маршрутка, которая по моим соображениям шла не в центр, а в Трусово — в конце её маршрута «Вокзал — улица Аэродромная» должен был когда-то находиться наш городок. Спрашивать я не решался? Военный объект всё же, ещё припаяют в это беспокойное время украинского или американского шпиона, и будешь доказывать потом, что ты не верблюд. Я просто сел и поехал. Пересекли Волгу по «новому» мосту и скатились в пригород Астрахани Трусово. Но Трусово теперь было совсем не то Трусово, что было тогда, а может быть, сейчас оно и вовсе не Трусово, и называлось как-то по другому. Это была новая застройка с множеством улиц, целый город, — маршрутка так петляла по ним, так кружила, что, после того, как исчезла из поля зрения Волга, понять направление нашего движения было очень трудно...

Прибыли, наконец, на конечную остановку. Это была небольшая станция для маршруток, ничего похожего на прежнее Трусово я по дороге не заметил, да и тут, на конечной, никаких признаков близости аэродрома ни на земле, ни в воздухе не замечалось. Почему эта конечная остановка называлась «улица Аэродромная», я так и не понял.

Посидел на одной из скамеек конечной остановки, посмотрел по сторонам, на небо — вдруг самолёт пролетит, подумал, и, разочарованный, той же маршруткой двинулся обратно. Моя первая попытка отыскать прошлое не удалась. Где-то что-то перекусил и вновь поехал к Кремлю.

Астрахань пятидесяти лет назад запомнилась мне серой, невыразительной, почти сплошь деревянной, утыканной строениями хрущёвской архитектуры, да несколькими девятиэтажками.

Помню, меня удивило наличие огородов в частных дворах с чернозёмом и посадками картошки — ведь эти огороды были на самом краю глиняно-песчаной пустыни, где кроме колючек, поливных овощей и неполивных арбузов ничего не росло. А может, почвы левого и правого берегов Волги сильно отличались по своему составу, и Астрахань не зря расположилась именно на левом берегу. Умели ведь наши предки выбирать места для поселений.

Теперь же Астрахань стала живописной, и даже старые кварталы делали её привлекательной. Она превратилась в большой современный город со всеми вытекающими из этого достоинствами и недостатками.

Снова за ориентир взял Кремль, вернее — его входные ворота, и направился по упавшей в них Екатерининской улице от Кремля, как мне казалось, в сторону центра, затем через Александровский сквер по улице Ахматовской — в направлении, как мне тоже казалось, небольшой площади с кинотеатром «Октябрь», в вестибюле которого когда-то раскинули свои широкие ветви огромные финиковые пальмы, и книжного магазина, благодаря которому я познакомился с французской певицей Мирей Матье.

Все мои перемещения по городу напоминали движение подводной лодки по неизвестному фарватеру — методом проб и предположений, догадок и вычислений.

Я повернул налево, а надо было, как потом, оказалось, повернуть направо. Долго шёл по улицам наугад, но площадь с кинотеатром всё не показывалась, зато довольно скоро я набрёл на областную научную библиотеку, — отличное современное двухэтажное здание, в котором располагалось астраханское отделение Союза писателей России. Набрёл, наверное, не случайно. Дорога словно сама привела меня к нему. Возможно, чтобы лишний раз усмехнуться и показать мне, что более худшего отношения местных властей к писателям, чем в Ростовской

области, в России не найти. Даже размещение отделений СП России в центральных государственных библиотеках, которое освобождало писателей от уплаты аренды и драконовских коммунальных услуг, давало огромный результат государственной поддержки. Такая поддержка путём освобождения от коммунального гнёта была в писательских отделениях регионов, где мне удалось побывать: Пскова, Смоленска, Курска, Липецка, Ульяновска, Астрахани, Махачкалы, Краснодара — везде чувствовалось влияние и поддержка властей, но только не в Ростове, где ощущалось и ощущается только их презрение к писательской гильдии, как сообществу бездельников, нахлебников, ненужных обществу социальных элементов. Обидно всё же, но пока изменить что-то мы не в силах.

Мысленно передал привет председателю астраханского отделения Союза писателей России и его коллегам, но беспокоить астраханских писателей не стал, сам осмотрел здание, сфотографировал и двинулся дальше. Через некоторое время вышел к памятнику Трусову и долго сидел подле него на бульварной скамье, впитывая в себя ритмы зелёного современного города и рассматривая памятник. Сидел, вспоминая и, наверное, всё так же ностальгируя...

5

Наш полк, который, как я уже говорил, назывался Учебным Центром Боевого Применения Авиации Варшавского Договора (теперь, когда самого Варшавского договора уже не существует, не существует и Советский Союз, я думаю, это название перестало быть военной тайной и перешло в разряд исторических, как и многое другое, о чём я пишу, да и пишу я обо всём в прошедшем времени: «был», «была», «было»...), входил в Бакинский округа ПВО и был оснащён очень хорошими истребителями «МиГ-21», которые считались самой удачной разработкой истребителя того времени в мире, и по многим своим характеристикам он до сих

пор мало уступает современным моделям «МиГов» и «СУхих», да и американских перехватчиков — тоже, потому, видимо, и стоит он на вооружении ещё множества стран. В городе Новочеркасске, в Хотунке «МиГ-21» установлен в виде памятника этому самолёту. Но в отличие от базировавшего вместе с нами на том же аэродроме боевого полка СУ-11, который просто охранял небо Родины, неся боевое дежурство, мы считались специализированной лётной частью — учебным центром, в котором проходили обязательные ежегодные стрельбы летчики стран, участниц Варшавского Договора. Потому все наши пилоты, обучавшие «демократов» из стран ВД, как их называли у нас, считались лётчиками-инструкторами, — среди них был только один, старший лейтенант Данилов, недавний выпускник лётного училища, который имел звание ниже майора. Остальные были либо майоры, либо подполковники, либо полковники.

Командовал тогда авиацией ПВО страны маршал Савицкий (отец будущей космонавтки Светланы Савицкой). Так вот, этот самый большой для нашего полка воинский начальник имел «нехорошую» привычку летать самостоятельно, только со штурманом, на личном самолете ЯК-25, появляться в небе над нашим аэродромом неожиданно-негаданно, лишь сообщив на землю кратко:

— Встречайте, я «Дракон».

И тогда на аэродроме без объявления начиналось что-то вроде «воздушной тревоги». Встречать «Дракона» должен был любой и каждый: от дежурных по ИПУ до случайного механика или офицера, который оказался поблизости. Встречать, невзирая на своё звание, принадлежность к эскадрилье, воинскую специальность и так далее. Показать рулѐжку и стоянку приземлившемуся «Дракону», обеспечить его водилом и заглушками, поставить на колодки, подогнать заправщик и залить полные баки и, главное, доложить согласно Уставу, кто и как обеспечивал маршалу встречу.

Маршал был мужиком простым, то есть, настоящим лётчиком — другом солдату, он пожимал руку или даже приобнимал встречающего, с улыбкой выслушивал доклад — одетый в техническую форму без погон и знаков различия, здесь он мало походил на маршала, выделяясь среди солдат, тоже одетых почти в такое же техническое обмундирование, пожалуй, только возрастом, лётным шлемом в отличие от пилотов на головах солдат. Дальше уже появлялись командиры полков: и нашего, и «Сушек» со своими замами, и они уходили в здание ИПУ.

Маршал был непредсказуем, — он мог улететь и через час, и через сутки. Его самолёт исчезал в небе, и лишь тогда начальство полков облегчённо вздыхало: мужик хороший, но...

6

Надо сказать, что практически все мы, солдаты-механики на-

Всепогодный перехватчик МиГ-21.

шего полка, были влюблены в авиацию: как никак — «голубая кровь» всей Советской армии, а лётчики наши были для нас истинно небожителями. Они были настоящими мастерами своего дела, которые учили даже других, менее квалифицированных летунов, — к нам в течение длинного весенне-осеннего сезона постоянно прилетали стажироваться почти все истребительные полки советской авиации (что позволило мне увидеться с некоторыми из своих однокашников по школе младших авиационных специалистов). Но, конечно, мы очень гордились своими «летунами». Предметами особой гордости были «Дед» — командир полка полковник Дедиков и его заместитель полковник Копосов, который пришёл в авиацию сержантом ещё в Отечественную войну, и с тех пор всегда общался в полётном эфире только матом, что для нашего понимания его класса тоже было немаловажно — он летал отчаянно, мастерски и потому дослужился до полковника, а материться в эфире доступно не каждому, и, конечно, наш «Батя» — командир второй эскадрильи подполковник Иовлев, который из-за своих габаритов не мог дотянуться до тумблеров на «бородe» самолёта (их ему включал перед вылетом его техник), но лётчиком был отменным. Был в нашей эскадрилье и такой лётчик, майор Ч., который страшно боялся летать, как он сам говорил, но летал также мастерски. Бывают такие парадоксы. Главное, уметь владеть собой...

Что для нас, молодых ребят, приобщённых к авиации, кроме полкового патриотизма, было показателем высокого мастерства пилотирования, ведь мы видели самолёт в воздухе лишь короткое время взлёта и посадки, а на разборы полётов нас не приглашали? Конечно, это сам взлёт и сама посадка. Например, наши лётные кумиры: «Дед», его зам и «Батя», взлетали с таким резким набором ускорения и такой крутой горкой, и даже без форсажа, что казалось, самолёт не выдержит, рухнет, потеряв скорость. Но сверхнадёжный «Мигарь», натужно ревя, у них всегда вытягивал и уходил в просторы голубого астраханского

неба. Чтобы так летать, нужно было очень тонко чувствовать и любить машину, понимать её усилия и стремление к успеху.

А как эффектно, по-боевому, но чуть парадно был взлёт двойкой когда лётчики строго выдерживали скорость и расстояние между самолётами, словно были связаны одним невидимым тросом. А тройкой, то есть — звеном? Такие взлёты были редкостью, но мы ловили моменты, когда на старт выруливали два или три самолёта разом, и не отрывали от них глаз, пока они не исчезали в бездонном небе.

И как закономерность, наши кумиры, приземляясь, никогда не пользовались тормозными парашютами, что говорило о точном расчёте при заходе на посадку и рулении. Мы ехидно улыбались, когда видели, как иногда «чужие» самолёты, с распущенными и наполненными тугим воздухом парашютами, выкатывались за пределы взлётно-посадочной полосы. Для их полка это уже было ЧП, а для нас — «фунт презрения». В то время самолёты не были закреплены за лётчиками — летать они могли на разных машинах, — самолёты закреплялись за техниками, которые были им и матерями, и няньками, и «докторами». А уж техники подбирали себе толковых механиков, которым могли доверять (совсем бестолковых очень скоро из эскадрильи убирали: переводили кого на кухню, кого в котельную, или ещё куда-то, где требовались руки, а не голова. Видимо, таким просто не доверяли авиационную технику). Вообще, в авиации многое строится на доверии и надёжности специалиста, независимо от его статуса. И уже лётчик «подбирал» себе техника, которому доверял. Потому что от техника и механика зависела его жизнь. Это не значит, что он не летал на других машинах, но так подбирался, складывался экипаж самолёта-истребителя: командир-лётчик, техник-инженер и солдат или сержант-механик. Экипаж был больше похож на дружную семью, чем на военное подразделение.

Были ли мы патриотами своей Родины? Наверняка, да, хотя мы об этом не говорили, да и не думали. Тогда молодёжь не раз-

---

махивала флагами, купленными государством, и не кричала под его взмахи «Советский Союз — вперёд!». Никто нам не говорил о численности и силе нашей армии — мы сами были уверены, что наша армия никак не слабее американской, что позволяет нашей стране быть на равных со всеми в мире, приносит ей уважение других стран. Наш патриотизм был глубинным, естественно выросшим в нас. И начинался он издалека. Воспитанный коллективизмом (детским садом, школой, пионерией, комсомолом), он прежде всего выделял общее понимание слова «наш», но не такое понимание, как сейчас, когда слово «наш» тут же противопоставляется понятию «не наш». «Свой — не свой». Страну искусственно поделили на «наших» и на «не наших», и это стало основой современного патриотизма.

Лётчики нашей эскадрильи, конечно же, были лучшими в полку. А полк состоял из самых лучших лётчиков страны и даже мира. Что там корявые летуны-демократы, ну ещё немцы — куда не шло, а остальным до наших — как до Москвы пехом. И «МиГи» нашего полка лучше всех, не то что тихоходы «девятнадцатые» и всякие там «Яки» вместе с ними или неповоротливые «Сушки», — всё это не имело никакого сравнения с нашими красавцами двадцать первыми — покорителями неба. И так во всём. И этому нас никто не учил, до такого патриотизма мы доходили сами, потому эскадрилья сама по себе быстро становилась семьёй — нашей семьёй.

Правда была книжка — пособие для политзанятий (я уже не помню, как она называлась, которую никто не читал из-за её вселенской глупости и несоответствия нашей службе. Ну, кто будет вникать в такие стоки: «Часовой Дюкин не ел, не пил, не курил, не спал, не разговаривал и даже не свистел, в результате чего задержал двух диверсантов...») Нам такая идеологическая накачка была не нужна абсолютно.

Наш «Дед» летал на отличной, новой машине с бортовым номером «73». Даже в воздухе, за километры от посадочной полосы, он каким-то образом отличался от других наших «МиГов».

Заходил на дальний привод, и все понимали: садится комполка. Хотя бортового номера ещё не было видно. Не знаю, как это получалось, но такое понимание никогда нас не подводило.

И вот 22 марта лётное происшествие: разбился единственный в полку старший лейтенант Д. И надо же: «Дед» был в командировке, и лейтенант в тот день летал на его машине с бортовым номером «73». Лётное происшествие случилось поздно вечером, когда уже было совсем темно. Потом Государственная комиссия после долгого разбирательства установит лишь одно: самолёт под номером «73», перелетая поперёк излучину небольшой степной речки в районе Капъярского полигона, при угле завышения носа в 5-10 градусов зацепился фальшкилем за воду и в результате рассыпался по степи на 800 метров.

Завышение носа говорило о том, что самолёт выходил из пике, но ему не хватило высоты. Как он попал в это пике и почему очутился так близко к воде, определить комиссия не смогла, как и многие другие вещи. Погиб молодой лётчик, которого в эскадрилье любили.

Помню, как Сашка Костромитин, механик «73-го» печально и одиноко стоял возле инструментального ящика на стоянке и вглядывался в хмурое ночное мартовское небо, хотя было уже ясно: не прилетит.

Выглядел он осиротевшим и несчастным.

Обломки самолёта вертолёты нашли только на следующий день. Степные калмыки вдели его падение и рассказывали, что самолёт горел. Но обгоревших обломков обнаружено не было, видимо, самолёт шёл на форсаже, который калмыки приняли за пожар.

Гибель старшего лейтенанта вызвала у многих солдат нашей эскадрильи шок. До этого мы знали, что в авиации иногда разбиваются даже хорошие машины с прекрасными лётчиками, но совершенно не думали, что у нас может быть такое: всегда это было где-то там, не у нас, и зря нас на утренних построениях-

разводах информировали о лётных происшествиях, но вот теперь пришло оно и к нам. И это нужно было осознать...

7

А жаркой ночью 22 июля — ровно через четыре месяца — лётное происшествие повторилось. Тогда у нас «отстреливались» лётчики из Болгарии.

От союзников по Варшавской коалиции на стрельбы прилетали только пилоты, — самолёты и технический персонал, как и служба обеспечения полётов были наши.

Советские же полки отстреливались на своих машинах разных типов и обслуживались собственным персоналом, и пользовались только базой. И всё было отлично налажено, все службы действовали как часы, и с начала марта по конец ноября через наш Центр проходило несколько партий «демократов» из разных стран и довольно много советских полков (конечно же мы не считали ни тех, ни других, и я привожу эти сведения очень приблизительно, опять надеясь, что они давно уже перестали быть секретными), и всегда учебные стрельбы проходили без лётных происшествий.

Но тогда лётчик-болгарин уже два раза летал на мишень, и оба раза не смог сбить её ракетой с тепловой головкой.

Говорили, что перед третьим вылетом (больше трёх вылетов не делали) он поклялся, что в этот раз он сойдёт мишень, чего бы это ему не стоило. И сбил. Говорили, что на экране локатора три светящиеся точки сошлись воедино, потом рассыпались в разные стороны более мелкими брызгами. Это означало, что одновременно сошлись воедино мишень, тепловая ракета и самолёт...

У истребителя «МиГ-21» на приборной доске есть красная лампочка, которая подаёт сигнал «выхода из атаки». Наверное, такие лампочки есть и у других истребителей, не знаю, не видел, но у наших они были.

Включение этой красной лампочки означало опасную близость к впереди находящемуся объекту, потому что самолёт двигался в два, а то и в три раза быстрее реактивной мишени (или другой цели), на тех скоростях не успеешь моргнуть, как произойдёт столкновение, поэтому лётчик должен был при загорании красной лампочки немедленно отворачивать в сторону во избежание этого самого столкновения. Но болгарин очень хотел победить мишень, он поклялся сбить её, и, наверное, не послушался красной лампочки и во время не отвернул, хотя ракету выпустил. Вот и получился тройной удар по самому себе, но клятву свою он выполнил.

Утром поисковые вертолёты передали невероятное: «Самолёт цел, он спланировал лежит, зарывшись носом в бархан. Мягкий песок, видимо, и спас его...» Всё было странным и непонятным, но подающим надежду. Самолёт цел, хотя радар явно показал взрыв. Да и с такой высоты спланировать? «МиГ-21» — неважный планер...

Когда вертолётчики, сев неподалёку, пришли к машине, оказалось, что никуда он носом не зарывался, передней его части по салазки катапульты на задней кромке кабины просто не было, и он только приткнулся к бархану.

Переднюю часть фюзеляжа, тоже удивительно целую, нашли километрах в двадцати от самолёта, — самолёт просто разломился на две части, — но лётчика в ней не было. Его нашли в песчаной степи только через двое суток вместе с неиспользованным парашютом, — пилот тоже были целым, только без половины головы, — это лишь подтверждало, что кабина самолёта вонзилась сзади под удлинённый хвост мишени.

Всё это было очень печально и довольно жутко. С суеверным страхом мы ждали следующего рокового дня — опять через четыре месяца — 22 ноября. Потом кто-то из ребят высчитал, что 22 ноября приходится на воскресенье, и все облегчённо вздохнули... Это значило, то полётов в этот день не будет, но

всё же...

Наверное, все, кто имеет отношение к авиации, люди суеверные. Мы всё равно волновались. Но день 22 ноября прошёл спокойно...

К чему я это всё написал. А к тому, что никто никогда не может гарантировать полную безопасность эксплуатации авиационной техники. Ни мастерство лётчиков, ни отличное состояние самолётов. В нашем полку несколько лет не было лётных происшествий, не было их и в последующий год. А случились оба в один год, так что ни точные расчёты, ни теория вероятности в таких случаях ничего утверждать не могут...

8

То лето было летом войны Израиля с Египтом, в которой в течение первой недели египтяне потеряли почти все свои, в основном советского производства, самолёты.

Рождённая в СССР теория красивого выстраивания самолётов на бетонке стоянки равнением по носовым конусам пропеллеров или бортовых радаров, была евреями посрамлена: их самолёты заходили на ряд красиво выстроенных египетских машин и, делая пару очередей из пушек, поджигали в этом самолётном строю одну-две машины, и далее уже всё происходило само собой: тонны горящего, растекающегося по бетонке, керосина, поджигали и все остальные самолёты на стоянке — спасти их уже не было никакой возможности.

Советское авиационное командование быстро сделало правильные выводы, и у нас на аэродроме в срочном порядке стали строить капониры.

Вокруг большого глиняно-песчаного холма нашей эскадрилье нарыли углубления, по краям полукругом сделали высокие насыпи, на которые натягивалась большая маскировочная сеть с лохмотьями фальшивой зелени, «пол» застелили сборным «американским» металлическим настилом. И — готово.

В такой капонир помещалось звено — ровно три самолё-

та, капониров сделали вокруг холма по числу таких звеньев в эскадрилье. Каждой — отдельно. В полку пять капониров. Они рядом, но не вместе. С воздуха под маскировочной сетью не заметны. На вершину холма поставили деревянную, грубо сколоченную вышку и большой вагончик с рацией, телефоном и шкафчиками для солдатской технической одежды, в которую мы переодевались во время работы на аэродроме, оставляя в них солдатскую форму.

Сначала всё эти сооружения и новые порядки были совершенно непривычными, но мы все понимали правильность и срочность принимаемых мер. Ведь армия должна быстро и гибко реагировать на все изменения в окружающем мире. Иначе она не будет выполнять свою роль в государстве...

Теперь этот холм с капонирами и вагончиком стал называться «Стоянкой подразделения» — эСПэ. И наряд дежурного назывался так же. Он стал играть заметную роль в жизни этого самого нашего подразделения — «вторая эскадрилья», словно новый, недавно выстроенный дом для жизни самолётов.

Рядом со стоянкой протекала небольшая степная речка, воды в которой было в летнюю пору «воробью по...». Речка, до тех пор, пока не установили столбы с колючей проволокой, служила естественной границей аэродрома.

По утрам нас привозили на стоянку к половине девятого утра, когда солнце высоко висело над степью и уже прилично грело, но ещё не жарило, и мы, поднимаясь по тропинке к вагончику, старались не наступить на греющихся на солнце змей разных видов и размеров, которые недовольно шипя, расползались по сторонам, уступая нам тропинку. Это повторялось каждое утро.

Странно, но днём змеи куда-то исчезали, их не было видно нигде. Но бдительность от нежелательной встречи они нам обеспечивали. И так продолжалось до тех пор, пока змеи не впадали

в зимнюю спячку.

Удивительно, но с виду безжизненная степь была наполнена жизнью. Особенно много было разных насекомых. Невероятное количество видов и форм. К примеру, тогда казалось, нет ни одного квадратного сантиметра поверхности почвы, на которой бы не был обнаружен муравей. Полчища комаров вылетали на охоту с наступлением сумерек. Во время наших майских ночных полётов мимо шумными воздушными торпедами проносились медведки, — попадание такого «снаряда» в лоб или в щёку гарантировало хороший синяк. В общем, степь вокруг звучала и жила многообразно.

Но вторую после змей реальную опасность представляли собой ядовитые пауки. Скорпионы, фаланги, тарантулы. Но скорпионы хотя бы обитали только на аэродроме, днём прячась под чехлами самолётов, одеждой механиков, заползали в сапоги солдат, потому каждый раз переодеваясь и переобуваясь в техническое и обратно, нам приходилось перетряхивать одежду и обувь, причём это так вошло в привычку, что я уже дома ещё с полгода каждый раз машинально перетряхивал одежду перед тем как её надеть.

Фаланги же «не брезговали» заползать даже в казарму, даже на наш третий этаж. Представьте: просыпаешься, а у тебя на подушке у самого уха сидит фаланга, которая, как рассказывали «знатоки», прыгала при обороне на противника метров на пять. Ух-х...

Чтобы увидеть тарантула, нужно было найти его нору и налить в неё воды. Или помочиться. Тогда паук злым снарядам вылетал из норы, слово желал немедленно найти и наказать обидчика.

Редкие в эскадрилье в нашем полку узбеки и таджики привычно развлекались с фалангами. Они ловили паука — кто не знает его, объясняю: это мохнатое чудовище с восемью лапами размером с крупное куриное яйцо, оснащённое четырьмя мощными челю-

стями, которые как ножницы могли резать всё как в вертикальном, так и горизонтальном направлении, — привязывали один конец толстой нитки за его лапу, другой за небольшую палочку, которую втыкали рядом с входом в муравейник, и отпускали.

Фаланга могла убежать всего лишь сантиметров на 15-20 — насколько позволяла нитка. Зато у муравьев — не менее хищных и злых, начинался аврал — толпы их выскакивали из муравейника и бросались на фалангу. Одни из них пытались кусать её со всех сторон — она резала их пополам своими чудовищными челюстями, словно стригла овец, — другие подхватывали половинки собратьев и куда-то уносили. Но муравьёв становилось всё больше и больше, скоро уже они облепляли паука плотной массой, впрыскивая в него непрерывно муравьиную кислоту до тех пор, пока фаланга не теряла подвижность. Тогда начиналась транспортировка огромного трупа в подземные кладовые муравейника.

Удивительно, но муравьи понимали, что мешает их транспортировке — они аккуратно перегрызали нитку и — путь свободен. Как они умудрялись затаскивать огромного паука в муравейник, было непонятно, но они это делали, создавая себе запасы продовольствия.

Узбеки или таджики до финала битвы редко досиживали. Такие развлечения они привозили сюда со своей родины, и потому они им быстро надоедали. Впрочем, за всё время моего пребывания в Астрахани и её окрестностях не было ни одного случая укуса кого-то из военнослужащих змейёй или пауком. Наверное, они боялись нас больше, чем мы их...

Капонир нашего звена был обращён к степной речке. И вот однажды во время парковых работ на самолётах мы увидели явление. Метрах в тридцати от нас за речкой стояла лошадь, на которой, не шевелясь, молча, сидела молодая калмычка и смотрела на нас. Как она сумела по голой степи незаметно подобраться к нам, было совсем непонятно. Только потом, мы

увидели в полукилометре от нас небольшую отару овец, которую она, видимо, пасла.

А ещё через какое-то время мы увидели за речкой одинокую лошадь, которая искала губами чахлую траву.

Калмычка исчезла. И вдруг кто-то заорал на весь капонир: «Ты что тут делаешь?» Калмычку обнаружили в кабине одного из «МиГов», — она сидела там и активно пыталась что-то включать, пробовать...

Всем звеном мы вытаскивали её, упирающуюся, из самолёта. Кстати это дело совсем небезопасное для несведущего человека — катапультное сиденье, на котором устроилась наша незваная «гостья», фиксируется лишь двумя страховочными чеками, которые легко снимаются. Без них даже при случайном нажатии на рычаги, пиропатрон срабатывает, и сиденье выстреливается вместе с сидаком на высоту до 110 метров, и без парашюта это дорога в одном направлении. Поэтому тащить силой эту даму из кабины истребителя нельзя ни в коем случае, она может уцепиться за что угодно, даже за шнурки страховочных чек, потому её надо уговаривать, — только бы знала она русский язык.

Не помню уже, как мы её оттуда выдворили, но ушла на это уйма времени. Она тихо перебрела речку и взгромоздилась на лошадь, двинула её в сторону своей отары. Что она хотела в кабине самолёта, мы так и не поняли, а она нам не сказала. Может, в ней проснулся инстинкт лётчика... Может, осуществляла свою давнюю мечту...

Её поступок можно было расценить по-разному. И как глупость и дикость, и как преступление. Однако, человечность между людьми в то время работала ещё в полной мере, и её не стали привлекать. Посмеялись только, радуясь, что всё благополучно закончилось...

прияття прошлого становятся более насыщенными и глубокими, а чувства, с ними связанные, ощущаются так, словно все эти памятные события произошли только вчера. Особенно это касается воспоминаний о женщинах — любимых женщинах. Мужчина всю жизнь любит своих женщин, даже если это законченные стервы, и расстался он с ними не очень-то дружески. Женщинам не понять такого мужского отношения к себе, потому что они мыслят по-женски. Откуда им знать, что в каждой женщине есть что-то такое, своё, чего нет ни в одной другой. И только эта может дать мужчине нечто, которое закрепляется в нём навсегда, постепенно вызывая повод к тоске и ностальгии.

Я сидел на скамье бульвара с памятником Трусову, смотрел на спешащих мимо астраханских красавиц, думал и вспоминал. Да, тогда улицы выглядели несколько иначе, много появилось новых домов и других изменений, но дух города в лице его женщин был всё тот же — они по-прежнему были лучшей половиной населения Астрахани, как это не банально звучит. Женщины тех, прошлых лет, были теперь на полвека старше, но это не умоляло их достоинств в моей памяти — я просто не хотел их сравнивать, потому что всё было так прекрасно...

Женский ажиотаж в нашем полку начался ранней весной моего следующего календарного года в армии. Начальник службы электриков второй эскадрильи капитан Т. однажды в парковый день (это день, когда полк не летает, а полным составом, начиная с командира и до последнего механика, ползает по самолётам с отвёртками и ключами в руках, осуществляя плановый профилактический ремонт) привёл молодую девушку в женском варианте формы сверхсрочника — то есть, вместо брюк — юбка, вместо сапог — туфли. А на погонах уже одна лычка. Но остальное всё по-настоящему. Звали девушку Аля, Алевтина. Она была молода, и первого же взгляда показалась красавицей, которая одним взглядом парня с ног сшибает. Только вот Аля про электричество не знала почти ничего. Ну, разве, что электрические лампы дают свет по ночам, да бывают ещё

электрические чайники, уютги... А для чего электричество в самолёте? Вообще, зачем оно ему?

— Ничего, будем учить. Приказ вышел там, — сказал капитан и воткнул длинный палец в хмурое астраханское небо, — набрать девчат в авиацию на службу по контракту... Кто желает стать наставником Алевтины?

Почти все солдаты и сержанты нашей эскадрильи выступили вперёд, готовые немедленно приступить к обучению девушки, причём, не только электрики, но и радисты, радиодальномерщики, оружейники и механики «по самолёту и двигателю» — все наличные авиационные службы, и даже водитель базовской АПУ — автомобильная пусковая установка — вылупился на нашу Алю, словно тоже намеривался немедленно учить её крутить баранку своего ЗИЛа...

Но не тут-то было... Аля хитро улыбалась всем солдатам сразу и с первой же встречи строила всем глазки, но ни у кого ничему учиться, судя по всему, не желала. Для неё главным было, как мы быстро поняли, лишь её личное присутствие...

Так появились у нас в полку девушки-контрактницы, но я пишу только о тех, кого знал.

Женщины и раньше работали по найму в частях нашей базы, но то была работа, не связанная с боевой техникой: они обитали писарями, секретарями и телефонистками в разных штабах, канцеляриях, трудились в столовых, прачечной, и, конечно же, их вотчиной была санчасть, но непосредственно в подразделениях, на технике женщин ещё не было, потому их служебные пути редко пересекались с нашими солдатскими дорогами.

Слегка поэкзаменовав новобранку, капитан позвал сержанта Урванцева — электрика с синим знаком «Специалист 1 класса» на груди, и приказал Але:

— Видишь этого сержанта? Это теперь твой учитель, профессор. Ходи за ним следом по бетонке, смотри внимательно, что он делает, спрашивай и пытайся делать тоже самое. Поняла?

— Так точно! — по-военному ответила Аля.

Урванцев был доволен, мы — нет. Коллективную выучку подменили индивидуальной. За что Урванцеву такая лафа? Естественно, остальные «учителя» разочарованно отвалили в сторону. Теперь уже Аля не казалась всем такой уж красавицей. Так, обыкновенная девчонка, только в погонах.

Алю мало интересовало электротехническое оборудование самолёта. Не больше её интересовали и «учителя»-солдаты. И как мы позже решили, главной целью её в нашей части были поиски молодых, неженатых лейтенантов, но не могу сказать, стали ли они для неё успешными, или нет. Хотя, ради справедливости, нужно сказать, что, наверняка, не все девушки в полку преследовали те же цели, что и Аля, а может, она просто нас разочаровала своим отношением к нам, и потому вызвала у нас ответную реакцию ревности. Всё может быть...

Вскоре в эскадрилье появилась еще одна девчонка, потом ещё одна и ещё — заметны они стали и в других подразделениях. Но чем больше их становилось в полку, тем меньше мы изображали из себя галантных кавалеров. Наверно, мы просто к ним привыкали.

К концу лета там у них, наверху, видимо, что-то изменилось — женщин в эскадрильях начало становиться всё меньше и меньше, пока они не исчезли в окружающем пространстве совсем. Видимо, женщины в армии эффективны либо на «женских» специальностях, либо в отдельных женских подразделениях. А у нас, возможно, сработала старая формула «женщина на корабле — неприятности, зло». Тут «корабль» был чисто мужской, да ещё молодой, здоровый. Кто может устоять?..

Примерно через полгода, будучи в патруле, я снова увидел «исчезнувшую» Алевтину. В гражданском платье она кружилась в танце с молодым лейтенантом-краснопогонником на каком-то вечере в Доме Офицеров.

Возможно, она достигла своей цели...

10

Очень жаль, что я вспомнил о нашем купании в оросительном канале уже не в городе, а в поезде по дороге домой. Это воспоминание, как я понял впоследствии, и стало отметкой моего пребывания в нашей воинской части, и было очень важной деталью в её поисках.

Но по порядку.

Южнее нашего военного городка, примерно, в километре от ворот КПП части, начинаясь у Волги, через плантации помидоров, перца и ещё чего-то вкусного, уходил куда-то на запад, в бескрайнюю степь большой оросительный канал, к которому мы в свободное время бегали купаться, так как до Волги было далековато — несколько километров, — туда мы, естественно, бегать не могли, потому обходились каналом. Тогда такое купание в урывках свободного времени в летнюю жару для нас было очень важным и нужным занятием.

Но особо важным теперь стал тот факт, что канал тянулся несколько километров почти перпендикулярно реке, а это означало, что искать аэродром надо было не на севере, вдоль реки, а на запад от неё — там как раз и располагается сегодня посёлок Трусово, теперь разросшийся во все стороны. Только искать его было уже поздно — поезд уносил меня через ночную степь на север вдоль Ахтубы, и с очень плохими эмоциями. И от этого воспоминания стало ещё досаднее. Словно на рыбалке подцепил огромную рыбину, почти вытащил её, но в последний момент она сорвалась и ушла.

А вспомнил я про этот канал потому, что был у меня с ним один, памятный на всю жизнь инцидент, и только потом я сообразил, что воспоминание о нём было мне подсказкой для поисков, хотя запоздалое, вызвавшее во мне нестерпимое желание вернуться.

Канал метра три-четыре шириной был нарезан в глинистой

почве роторным экскаватором, отчего получился он тоже метра в три глубиной с крутыми береговыми стенками, которые почти сходились на дне. Получился этакий довольно глубокий лоток или жёлоб с проблемными выходами из него, но с большим количеством воды. В канал можно было спокойно нырять вниз головой, что мы и делали постоянно, выбираясь потом на берег в нескольких удобных местах, где можно было зацепиться за камыш.

В тот день, я как обычно, бултыхнулся в канал вниз головой с грацией опытного ныряльщика и сразу же почувствовал сильный удар по голове. Не спасли даже «профессионально» выставленные вперёд руки. «Вот хрень!..» — думал я, с трудом выбираясь из воды.

— Что с тобой? — встревожено, спрашивали ребята. — Что?

Наверное, мой вид вызывал в них такие вопросы.

— Что-что? — раздраженно повторил я, растирая ладонью себе макушку и шею. — В дно воткнулся головой.

— Здесь? — не поверил мой сосед по койке в кубрике Женька Рыбалкин. — да мы тут сто раз купались...

— Ну и что?..

Женька соскользнул в канал и точно — воды ему было по грудь.

— Непонятно, — сказал он. — Видимо старая пересыпка осталось.

— Откуда она взялась?

— Или уровень воды в канале упал?

— Да всё может быть...

Так мы гадали-предполагали и ни к чему не пришли. Потому быстро забыли.

— Ты как? — спросил Женька по дороге к базе.

— Да вроде ничего...

— Может, в санчасть?

— Не надо. Пройдёт...

Молодость есть молодость. Да, поболела спина недолго и перестала, не поднялись ещё в казарму, — но не прошла совсем. Только к сорока пяти годам, когда начала на погоду ныть спина, я узнал, что у меня всё же смещён шестой позвонок. И было очень больно, когда могучий мануальщик ставил его на место.

Но не было бы этого прыжка в воду, я бы так и не вспомнил про канал, а значит, так бы и не вычислил место, где когда-то находился наш аэродром.

11

Очень хотел привезти домой настоящий астраханский арбуз. Я хорошо знал, что это такое, — это особый вкус, особая сладость, особый цвет, особый размер и особый треск, когда арбуз лопается от прикосновения ножа, и потому я, бродя по городу, присматривался к (теперь почему-то не очень частым) арбузным развалам. Арбузы на них казались мне какими-то «ненастоящими, не астраханскими».

Нет, конечно, они были настоящими, но на вид не такими, как те, что засели в моей памяти. И я никак не решался купить хотя бы один, всё ещё надеясь, что набреду на то, что мне надо.

В дни моей службы любой незапланированный выезд из части принимался нами за благо. В августе-сентябре нас часто посылали в какой-нибудь совхоз «катать» арбузы. Это были весёлые поездки, день — провести с гражданскими людьми, среди которых были и красивые девчонки, чего-то стоит, а работа такая для молодых парней — совсем не трудная, да ещё подслащённая сочной, кроваво-красной мякотью полосатого астраханского чуда. «Накатав» несколько совхозных грузовиков, мы «накатывали» и себе в свою грузовую машину, на скамьях в кузове которой приезжали в совхоз, потом в части быстро, всей эскадрильей, перетаскивали арбузы в кубрик и закатывали их под койки. Так создавалось сотрудничество и взаимопомощь в стране между

армией и сельскохозяйственным производством.

Всё, на две недели арбузами мы были обеспечены, хотя в этот период года в столовой переставали варить компот и на десерт тоже давали арбузы. Но то, столовские, а то — свои... Психология хомяка.

Чем всё же славились астраханские арбузы?

Необычной сладостью, но без приторности. Особым вкусом. После Астрахани я лет тридцать не мог есть арбузы, выращенные на Дону или на Кубани, а ещё хуже — поливные узбекские. Они все были хороши, но всё равно не то...

Откуда брался этот особый вкус? Потому что в астраханских бахчах было всё для того, чтобы такой вкус появился. Это, как в Космосе: для того, чтобы появилась жизнь на какой-то планете, нужны 34 условия, — без одного любого из них жизни не будет. Так и тут. Нужны определённые условия: засушливый климат (арбуз сам достаёт воду с глубины 8-10 метров), полупесчаная почва, жара и сильный ветер, при которых только что сорванный арбуз остаётся холодным. Потому что внутри его идёт интенсивный синтез сахара, который и охлаждает плод. Ну и ещё многое другое.

Кроме того, бахчевники рассказывали, что после использования одного участка степи — поля, размером в 2-5 гектар, в песчаной почве всё нужное для следующего полноценного арбуза вновь накапливается только за двадцать лет, — арбуз забирает из почвы всё, что ему нужно, за один сезон. Не знаю, как сейчас, но тогда велся строгий учёт оборота бахчевого землепользования — для астраханских бахчей очень важно наличие свободных земельных пространств.

Не купил, и, в принципе, хорошо сделал. Потому что, в конце концов, спросил на одном из развалов: откуда арбузы?

— Это из Чечни прудовые арбузы, бери, не пожалеешь,.. — ответил продавец, чёрнобородый мужчина лет пятидесяти.

Из Чечни арбузы везут в Астрахань?! Это всё равно, что в Тулу везти самовар! Ну, чудеса! Что-то не верилось в их достойную

замену астраханским арбузам...

И точно, они даже не похожи...

— А что это за прудовые арбузы? — спросил я.

— Возле пруда растут, — ответил чеченец. — Чтобы поливать... Тогда большой растёт...

Всё ясно.

Я вспомнил невкусные поливные узбекские арбузы и пошёл дальше, надеясь ещё найти не поливные, «песчаные», похожие на астраханские, арбузы. Полив, как не странно, главный враг арбуза...

Я так и не нашёл подходящего развала, а в последний перед отъездом день вообще было не до арбузов. И не привёз, жаль...

12

Однажды, незадолго до начала полётов к нам на стоянку пришёл уже переодетый в лётный костюм лётчик-немец из делегации ГДР (что, в общем-то было не положено), весело поздоровался с механиками, уселся на инструментальный ящик и стал болтать на хорошем русском языке, видимо, от скуки, с солдатами, которые готовили его самолёт к вылету. Вообще-то немцы летали классно, много лучше других «демократов», почти как наши, но речь сейчас не об этом — речь сейчас о том, что мы сильно удивились его знанию русского языка, потому кто-то из наших ребят спросил у него, откуда он так хорошо знает русский язык?

Немец сначала засмеялся, потом замолк на полминуты, и произнёс вроде бы не совсем внятно:

— Знаешь, знаешь, «хорошо ли», «плохо ли»? Заканчивал училище в Саратове, там научился, но не очень хорошо, потом сам доучивался. А вы вот знаете, когда человек может сказать, что он «хорошо» владеет чужим языком?

Мы молчали, ожидая ответа.

— Так вот, — продолжил немец, — человек тогда хорошо

говорит на чужом языке, когда он на нём не только говорит, но и думает. Как вот сейчас у меня в голове ни одного немецкого слова. Потому что тогда человеку, чтобы сказать что-то, не надо переводить свою мысль на чужой язык, потом ответ на чужом языке переводить на родной, потом составлять ответ на чужом и снова переводить. Это позволяет объясниться, но через определённые мучения и проблемы...

С правотой его слов мне пришлось столкнуться через много-много лет.

Ещё в ШМАСе нам показали в солдатском клубе американской фильм «Снега Килиманджаро». Это был фильм по одноимённому рассказу Эрнеста Хемингуя. Но это был фильм о нём, как и многое в творчестве писателя, хотя судьба героя была иной, и фильм отступал от биографии весьма далеко...

Но это всё равно был Хемингуэй, с которым я столкнулся впервые, и фильм буквально «заразил» меня американцем. Я решил, что вот он, писатель, с которым мы близки про духу и стилю мышления (тогда я ещё ничего не писал, только читал), и стал искать его книги, читать всё подряд. И всё больше утверждался в мысли, что на самом деле нашёл писателя близкого себе по духу. И, конечно же, с помощью Ивана Кашкина — переводчика.

Уже в Астрахани, во всё том же книжном магазине, где нашёл Мирей Матье, я увидел книгу, на обложке которой были изображены силуэты мужчины в иностранной военной форме и женщины в одежде медсестры с красным крестом на когсынке, прочитал название книги: «Farewell to arms».

Это был Хемингуэй! Меня словно боднуло током! «Прощай оружие» — на английском языке! И, наверное, совсем не зря, что этот роман из всех, что на английском языке, попался мне первым, как он сначала попался мне первым и на языке русском, и он был тоже первым из романов писателя, которые я прочитал.

И ещё кольнула мысль: «Надо поправлять свои знания английского, чтобы читать авторов в подлинниках, хотя бы ан-

глюязычных.

И я купил эту книгу. И сразу же англо-русский словарь.

— Ты что, для красоты её купил? — спросил кто-то в ку-брике.

— Для важности...

— А если честно?

— Буду читать. Пока со словарём...

И поставил себе задачу: читать ежедневно, не меньше часа. Эта установка самому себе действовала ещё лет семь-восемь после моей демобилизации, постепенно войдя в привычку. Но об этом чуть позже.

Я тогда ещё сам не понимал, для чего решил заняться чтением на английском, возможно мне было просто интересно узнать, что там в подлинниках? Но моего школьного и техникумовского английского языка, несмотря на то, что и там, и там преподавали язык очень сильно, не хватало даже для чтения со словарём.

И я начал добросовестно ежедневно, не менее часа читать со словарём англоязычных авторов, медленно, иногда с трудом преодолевая непонятные фразы, состоящие из понятных слов, но которые было очень трудно склеить в смысл. Число авторов постепенно увеличивалось — как только я видел в магазине или на каком-то прилавке книгу на английском языке, тут же покупал и читал, количество обращений к словарю становилось всё меньше и меньше. Очень медленно мои мучения чтения стали превращаться в удовольствие. К Хемингуэю постепенно добавлялись любимый Джек Лондон, Марк Твен, Синклер Льюис, Уильям Фолкнер, Скотт Фитцджеральд, Грэм Грин и другие. Теперь я уже отыскивал в магазинах и на книжных развалах конкретных авторов.

Особое впечатление на меня произвёл тот момент моего чтения, когда я, сидя на книгой Джером К. Джерома, читал рассказ «Дядюшка Поджер вешает картину», и вдруг ощутил, что я понимаю написанное, понимаю без словаря, понимаю всё, будто написано это на моём родном языке. Это была победа — победа

над самим собой.

Однако ещё через несколько лет мне всё же пришлось столкнуться с тем объяснением знания иностранного языка, что преподдал нам немец-лётчик на аэродроме в знойной астраханской степи.

С начала нулевых годов я работал на предприятии, в котором часто приходилось ездить в заграничные командировки. Так я по несколько раз побывал в Германии, Франции, Италии и ещё кое-где. Сразу же встал вопрос о возможности объясняться с теми людьми, с которыми необходимо было работать. Но у меня был, как я полагал, мой приличный английский, потому проблем не должно быть никаких. И совсем не страшно, что напарник мой по командировке Михаил Демиденко вообще не знал с какой стороны подходить к английскому.

Начальный опыт общения на английском выпал на Ярмарку детской книги в Болонье — «FIERA». И первый же день «общения без переводчика» превратился в моё настоящее моральное воспитание. Пришлось вспомнить лётчика-немца. Я быстро понял, что главная трудность общения в соответствии уровней собеседников друг к другу. Когда мой собеседник знал английский так, как я, то есть, плохо, мы с ним прекрасно объяснялись и понимали друг друга, но, если он владел английским, то есть, знал его хорошо и говорил со мной на своём уровне, я попадал в тупик. Помню, мы объяснялись с одной француженкой с полчаса, но так друг друга и не поняли. Она пулёмотно строčila английские слова, а я пытался применить к её «стрельбе» правила двойного перевода слов по лётчику-немцу. Но пока я переводил начало первой фразы, она уже заканчивала вторую. Потом поняла, что я практически не знаю английского, махнула рукой и ушла.

Я был с ней согласен и потому сказал Михаилу:

— Всё, завтра берём переводчика...

В знак согласия Михаил кивнул...

Но как же так, я уже так хорошо, почти без словаря, читал

эжол ит

английскую литературу, а тут обмишурился, не справился.

Гораздо позже я понял почему это произошло. Всё дело в произношении, тем более языка, в котором пишется «этак», а произносится «вот так». Изучая язык по словарю, я, наверняка встретил и запомнил много новых английских слов, и не факт, что я, хотя бы половину, правильно произносил. А как по своему усмотрению произносил, так и запомнил. И это дало о себе знать при первых же контактных встречах.

С тех пор во всем заграничных командировках я помнил лётчика-немца и обязательно брал переводчика.

Вот так бывает в жизни: однажды услышанные советы сбываются и много лет спустя...

13

На два месяца позже меня в нашей «эскадре» появился радист-механик Витька Агеев и сразу заявил о себе, как поэт. Он писал «военные» стихи по случаю и без того, писал часто, густо и очень плохие стихи — выросший в глухой сибирской деревне, где, возможно, даже библиотеки не было, он практически никогда не читал хороших стихов и вообще не понимал что это такое, но они помогли ему как-то выдвинуться в массе солдат и сержантов.

Я сам хоть стихов не писал, но много читал раньше, до армии, а в ШМАСЕ у нас была отличная библиотека, помимо прозы я познакомился там и с хорошей поэзией, открыл для себя много прекрасных поэтов, и потому кое-что в поэзии смыслил. Подтолкнула меня к чтению стихов фраза, сказанная когда-то Константином Паустовским: «Я сам стихи не пишу, но очень люблю хорошую поэзию, много её читаю и прекрасно понимаю».

Начальник штаба нашей эскадрильи (эскадрилья, как боевая единица, приравнивалась к общевойсковому батальону), единственный нелётной профессии офицер в эскадрилье, майор Набиуллин посчитал за большую удачу приобретение подразделением такого поэтического дарования, как Витька, и стал его

повсюду продвигать. Вскоре Витькины «стихи» уже висели в каждом номере стенгазеты, которую по поручению того же Набиуллина приходилось делать мне, как «специалисту» писать печатные буквы пером на ватмане, хотя до армии я никогда этого не делал, но в армии бытовала, якобы, суворовская фраза: «Не можешь — научим, не хочешь — заставим», затем его стихи стали появляться в гарнизонной газете и даже окружной, — за это ему иногда приходил почтовый перевод рублей на двадцать-двадцать пять — такие деньги для солдата были богатством.

Агеев принимал денежные переводы за признание своего таланта, гордился ими и потому писал ещё больше, и ещё хуже — он не мог себя контролировать, как поэт, и потому попал в ситуацию «антиучёбы» стихосложению.

Я читал его стихи и возмущался: как такое можно печатать. Я тогда ещё не знал, что с таким явлением, как вмешательство некомпетентных, лишённых литературного дара и понимания людей в творчество, в будущем мне придётся сталкиваться довольно часто.

А потом как-то решил и сам попробовать.

Был у нас один очень «скучный», но «кой-кому» очень «нужный» наряд «ДСП» — «дежурный по стоянке подразделения». По субботам работы на самолётах заканчивалась в 12 часов, и эскадрилья уезжала: солдаты — в казарму и на обед, офицеры — по домам, на стоянке оставался один дежурный, который должен был в 17 часов сдать печати на самолётах, инструментальных ящиках и прочем «имуществе» в капонири начальнику караула роты охраны.

Но тому, кто хотел уединиться на эти пять часов, времени доставались сполна.

Наряд считался клёвым, потому что был лёгким. Сидишь на вершине этого самого эскадрильского бугра или холма в вагончике или на вышке (в зависимости от погоды и времени года), смотришь по сторонам, которые с высоты холма хорошо

просматриваются, иногда — в небо на идущие на посадку самолёты, если такие случались в субботу, или на дорогу, на которой должна появиться машина с караулом или проверяющим, — она, наконец, появляется, и ты минут за пятнадцать сдаёшь начальнику караула все печати и пломбы стоянки, и этой же караульной машиной уезжаешь в часть. Как раз — к ужину. А в промежуток времени между «до» и «после» можешь или читать книгу, или даже слагать стихи. Главное, не спать, чтобы во сне не быть пойманным проверяющим.

Но кто же из молодых ребят будет спать в то время, когда есть чем заняться... Вот и я, без зависти, но всё же подталкиваемый «славой» Витьки Агеева, попав однажды в этот наряд от нечего делать, стал заниматься стихосложением. Позже начал даже спрашиваться у старшины в наряд ДСП. Каждый раз. Сам себя в глазах друзей стал загонять в скукотищу одиночества...

Стихи слагались легко и удивительно быстро. «Ревут самолёты, взлетают стрелою...» Ну и так далее. И много за одно дежурство. Хотелось блистать, но не как Витька, а как лучшие поэты, которых я читал...

На следующий день всё «блистательное» куда-то исчезало, оставалось лишь «много и быстро». Не просматривались в стихах ни Тютчев, ни Есенин, ни любимая поэтесса Юлия Друнина, не говоря уже о Пушкине или Лермонтове. Всё было «мимо» великих, а меньше я не хотел, и потому пыхтел снова и снова, и приходил к тому же результату. Но однажды мне стало ясно, что большой поэт из меня не получится. Никогда! А быть «маленьким» не хотелось, — их и без меня валом. И тогда я спросил у самого себя: «Если я напишу три-четыре сотни посредственных стихов, обогатит ли это русскую литературу? Вряд ли...»

Но тяга «портить» бумагу уже жила во мне, и я понял: нужно переходить на прозу, которой я тоже прочитал великое множество и тоже достаточно хорошо понимал.

Рассказы пошли — я их записывал в толстые общие тетради,

которые после дембеля привёз домой, — они-то в будущем и составили основу моей первой книги.

Так что польза мне от Витьки Агеева была несомненной.

Вообще-то, Астрахань я вполне обоснованно могу считать городом, где началась моя литературная деятельность. Именно здесь проходили мои бесплодные попытки найти «свою» поэзию, именно здесь, в вагончике, были написаны, а позже — в свободное время на низенькой трибуне базовского стадиона, мои первые рассказы, которые в последствии получили хорошую оценку критиков и были приняты в печать Ростовским книжным издательством.

Но тогда свои «труды» я никому не показал: ни в эскадрильи ребятам, ни тем более майору Набиуллину. Я не был Витькой Агеевым, и потому, честно говоря, стеснялся. Ещё назовут придурком, Ведь писатели — особый народ, не земной, а ты кто?..

И только спустя несколько лет отважился и показал свои рассказы, уже собранные в книгу, известному московскому поэту, большому знатоку русской литературы Александру Кирилловичу Кореневу. Тот прочитал и, вместо того, чтобы давать мне советы, говорить, что нужно ещё поработать и ещё что-то типа того, взял и без моего участия отнёс рукопись в Комиссию по работе с молодыми Союза Писателей СССР. Была тогда такая комиссия. Книга сразу получила две положительные рецензии и была рекомендована Ростовскому книжному издательству к изданию и скоро вышла в свет. Всё уже двигалось как бы само собой.

Так родилась моя первая книга, которая наполовину состояла из «астраханских военных» рассказов. Ведь основа её была создана именно в Астрахани на стоянке нашей эскадрильи, под рёв влетающих самолётов. Всё это стало святым для меня. И пусть моё небольшое лирическое отступление будет посвящено военному городку и нашему аэродрому, который я уже два дня

искал безуспешно, и самому городу Астрахань. И даже чуть-чуть — Витьке Агееву...

Позже я осознал: надо было всё же спросить у кого-нибудь, где он может быть или не быть. Я был почти уверен, что он уже не существует, как и многое в нашей стране за эти годы...

14

Было и, наверное, бывает даже такое...

Мы сидим на политзанятиях в Ленинской комнате нашей эскадрильи и лениво слушаем замполита, который что-то рассказывает о подвигах советских лётчиков в Великую Отечественную войну.

Слушаем и поглядываем в окна, в которых тоже лениво светится прозрачное весеннее небо, и настроение наше сонное, точно соответствует весеннему. Периодически в широко распахнутые окна дрожью стёкол врывается рёв взлетающего самолёта: сегодня четверг, у полка «Сушек» лётный день, и не просто лётный день, а особенный. Говорили, что к ним прибыла какая-то высокая комиссия из штаба Бакинского округа ПВО — целая толпа генералов и полковников, но не лётных, а с перекрещенными пушечными стволами на чёрных петлицах. И чего они там могут проверять в благородном и героическом авиационном полку? Что они понимают в авиации? Так мы меж собой говорили о членах этой комиссии, при этом презрительно сплёвывали. Почему это не лётчики командуют округом, а какие-то чёрнопогонники?!

Но тем, конечно, мало было дела до наших горделивых рассуждений. Они занимались тем, что им полагалось по их должностям. Но их вояж к нам закончился прескверно.

Неожиданно в окна ворвался звук сразу нескольких самолётов, и тут в небе что-то гроыхнуло так, что в Ленинской комнате задрожали даже столы и стулья. Мы кинулись к окнам. В небе расплывалось какое-то сизое облако, из которого густо

сыпались на землю какие-то обломки. Мы ничего не понимали. Потом кто-то из догадливых крикнул:

— Самолёт сбили! Наверное, американца...

У нас и раньше были тревоги «по шарам» или «по нарушителю», когда наши самолёты поднимались и гонялись либо за воздушными зондами-шпионами, либо за американскими самолётами-разведчиками но это всегда происходило на очень большой высоте вдали от аэродрома, и с земли ничего рассмотреть и даже услышать было нельзя, — шары и самолёты-нарушители просто отгоняли на ещё большую высоту, с которой аэрофотосъёмка становилась бессмысленной, и, в общем, никогда никого не сбивали. А тут так низко, да ещё сбили самолёт...

К вечеру, наверное, вся база говорила о случившемся. И главной причиной к этому был тот факт торжества, что после инцидента вся высокая комиссия немедленно погрузилась в свой транспортник и умотала в Баку. Но нас это очень насторожило. Как говорится, шила в мешке не утаишь, и скоро уже мы все знали, что же произошло.

В зону действия ответственности ПВО полка «СУ-11» нашей базы каким-то образом залетели два «чужих» «СУ-9», как оказалось потом, откуда-то из Краснодарского края. Как это у них получилось, не знаю. На сигнал «Свой-чужой» они сначала не отвечали, потом, вроде бы, ответили. И как-то разобрались, что «Девятые», хотя и из чужой зоны ответственности и относятся к Северо-Кавказскому Военному Округу, но всё равно свои, советские, и что-то они вроде как, заблудились. Видимо, плохо сработала их служба управления полётами и вывела самолёты «не туда». О ситуации доложили главному проверяющему генералу, самому старшему по званию и должности в комиссии, — тот, не долго, думая, приказал:

— Объявить боевую тревогу! Поднять дежурную пару!

Генерал, видимо, хотел проверить бдительность полка наших «Сушек».

Но есть Устав боевого дежурства. По боевой тревоге подняли дежурную пару именно с боевого дежурства. Навели на цель. Ведущий лётчик доложил на землю:

— Цель вижу! Захват!

На связи был сам окружной генерал в чёрных погонах. Он, видимо, очень хотел отличиться и потому приказал:

— Цель уничтожить.

И лётчик «Сухого» выполнил приказ. Он выпустил ракеты, наверное, удивляясь, что никогда у него не было такой лёгкой цели. Ведь «СУ-9» совсем не пытался уклониться или сбежать, его пилот, видимо, даже не знал, что по нему стреляют.

Мы видели из окна в Ленинской комнаты, что произошло в воздухе. Но не в штабе «Сухих». После того, как лётчик доложил: «Цель уничтожена, идём на базу...», кто-то каким-то образом выяснил, что сбили не врага, а просто нарушителя, но своего. Поднялся переполох. Генерал начал орать: «Почему подняли самолёты с боевыми ракетами, почему не с учебными?» Ему ответили: «На боевом дежурстве учебных ракет не бывает!»

Я, конечно, привожу только суть разговора, который слышать не мог, но который десятки раз был повторён солдатами и офицерами нашей авиабазы. Видимо, и тогда случались в армии некомпетентные высокие чины..

Генерал с комиссией тут же потребовали свой транспортник, погрузил в него свою команду и улетел в Баку. Так закончилась очередная инспекционная проверка штабными боевого авиационного полка. Полк выполнил своё предназначение, достойно справился с поставленной задачей. Мы были довольны, что, пусть хотя бы на наш взгляд, чёрнопогонники сами себя посрамили.

А дальше было, словно по поговорке: «И смех, и грех».

«Су-9» и СУ-11» в воздухе практически отличить невозможно. Мы видели из окон, как один самолёт посыпался кусками с неба, и тут же появилась ещё пара, которая заложила крутой вираж над местом этого воздушного боя и ушла на юг, но был

слышен удаляющийся гул четвёртого самолёта, который, как мы узнали позже, улетел из-под этого неожиданного обстрела куда-то в район Минеральных Вод, где его, наконец, «выловили» с почти пустыми баками и посадили.

Лётчик сбитой «Девятки» остался жив. Его спасла бронеспинка сиденья. Однако, один небольшой осколок засел в левом плече. Пилот вывалился из разрушенной кабины, вручную раскрыл парашют и условно благополучно приземлился в середине дня в горячей глиняно-песчаной калмыцкой степи с чахлой, ещё не совсем выгоревшей, зеленью.

Почему «условно благополучно»? Потому, что приземлился неподалеку от степного жилища одного бдительного калмыка, который пас овец. Лётчик сначала очень обрадовался, что сразу попал к людям, которые помогут ему связаться с властями и определиться, где он находится, но, увидев два вороненых ствола, направленного в него ружья, быстро изменил свои надежды.

— Я свой, лётчик, я русский, видишь, говорю по-русски, — умолял он недоверчивого пастуха, постепенно истекая кровью. — Я ранен. Меня сбили свои... Я не знаю, кто... У тебя какая-нибудь связь есть, сообщи в милицию...

В то, что «сбили свои» калмык не собирался верить и потому ружья не опускал.

— Знаю я вас, американцев, — пастух говорил уверенно, будто на самом деле имел кучу знакомых среди американцев. — Все вы хорошо говорите по-русски. Я вот тоже говорю, а не русский... На разведку, гад, летал... Наши своих не сбивают...

Вертолёт разыскал лётчика по обломкам самолёта только через пять часов в полубессознательном состоянии. И всё это время бдительный калмык держал его под солнцем на чёрной мушке меж двух стволов. Ему, кажется, потом объявили благодарность...

Сборная Астраханского гарнизона по футболу выступала в гражданской лиге чемпионата области, и постоянно разъезжала по разным районам и посёлкам. Быть в составе этой сборной — означало иметь дополнительную возможность находиться среди гражданских людей. Сборная как бы приоткрывала для нас ворота части без увольнительных и нарядов патруля, что членами сборной очень ценилось.

Весной кто-то из спортивного начальства заметил меня на стадионе и пригласил в эту сборную. Надо сказать, что команда сборной состояла не только из солдат и сержантов нашей базы, там были военнослужащие и из других частей, о которых мы иногда не знали. Но основой её формирования были всё же наши авиационные полки.

Нас очень неохотно отпускали в эти разъезды по области, но спорт в армии — дело святое и престижное, и главное, потому начальству приходилось мириться с нашим отсутствием, хотя игры проходили только по воскресеньям, и наше отсутствие никак не влияло на боеспособность полков.

Приглашение в сборную значило очень многое. Ты сразу как бы становился человеком другого ранга, у которого достаточно преимуществ: в наряды ты не ходишь, вместо парковых дней — тренировки, тебя уже все в гарнизоне знают, ну и так далее. Сборная, как спортивная субстанция существовала прочно, хотя механиков в лётных полках не хватало, — ведь способности к футболу не есть составляющая какой-нибудь воинской специальности.

Мне удалось всего три раза съездить в райцентры на игры, а потом... Потом ввели войска в Чехословакию, и всех ребят лётных полков из сборной изъяли. Всех до одного.

Внезапно изменилось многое. Нас в буквальном смысле переселили на аэродром, и мы спали, не раздеваясь, прямо на бетонке под самолётами, куда привезли матрасы и сложили

рядами. Офицеры ночевали в домике ИПУ на раскладушках. Самолёты стояли заправленными и с полными комплектами вооружения. И даже мы, механики, теперь таскали за спиной на ремнях свои СКСы (самозарядный карабин Симонова), от которых уже основательно отвыкли. Ну что ж, если бытовала поговорка: «Там, где начинается авиация, там кончается дисциплина». Только я всегда был не согласен с этой поговоркой. Она касалась подшитых подворотничков, надраенных пуговиц и сапог, ходьбы строем. Ещё в год моего приезда нас пытались обучить строевому шагу для участия в городском параде 7 ноября. Но бесполезно. Почти месяц мы ежедневно пытались чеканить шаг, пока начальство не разозлилось, и нас от участия в параде отстранило.

Но в авиации дисциплина была и самая железная. Это дисциплина ответственности каждого за всех. Здесь был один Бог — техника, которому молились все, и за небрежное отношение к ней наказывали строго или переводили в другую, «сухопутную» часть...

В ту ночь над нами почти непрерывно гудели транспортники «АН-12». Мы ещё не знали, что это такое, и, тревожно вглядываясь в ночное, утыканное крупными звёздами небо, лишь строили догадки.

С ИПУ приехал комэска с кем-то из офицеров, посмотрел на нашу реакцию на ночной гул самолётов и сказал:

— Утром слушайте радио.

Утром приехал на стоянку начальник штаба полка, собрал почти всех солдат и сказал:

— Московское радио объявило о вводе наших войск в Чехословакию.

Мы напряжённо молчали. Но он больше ничего сказал...

А примерно через три часа на аэродроме случился довольно тревожный инцидент.

Тогда у нас на «отстреле» как раз была партия лётчиков

из Чехословакии. Они прилетели на своём «Ил-14», два дня постреляли на наших самолётах, и тут случилось... В день, когда сообщили о вводе войск, чехи «взбунтовались» — они потребовали от нашего начальства немедленной отправки их на Родину.

Естественно, получили отказ. Наше начальство само, наверняка, ещё не знало, что делать, потому на всё наложило запрет. Тогда чехи загрузились в свой самолёт и вырулили на взлётную полосу. Мы с рулёжек наблюдали, как следом за ними пристроились два «МиГа» первой эскадрильи с подвешенными на крыле ракетами. Намёк был предельно ясен и выразителен. Так они и стояли довольно долго с работающими двигателями, — видимо, вели радиопереговоры. О чём?

Нас, конечно, об этом никто не ставил в известность, но догадаться можно было вполне. Прошло с полчаса, и первым покати́л со взлётки на стоянку «Ил». За ним стройной парой вернулись на свои стояночные места «МиГи».

Чехи улетели домой через сутки. Видимо, разрешение было получено...

16

Иногда бывали такие особые июльские ночи, когда жара и полчища комаров действовали в особо тесном и слаженном сотрудничестве: жара не позволяла нам укрыться простынями с головой, комары же — возможности раскрыться, а всякие аптечные мази и жидкости против них плохо помогали, тогда мы перекочёвывали с постелью в душ, в котором никогда не было горячей воды (солдату положена горячая баня, а не горячий душ), и там мочили всё: простыни, ватную подушку, байковое одеяло, даже — матрац и самого себя — что давало возможность укрыться на койке с головой и проспать часов до пяти утра — за это время постель успевала высохнуть. Наверное, это придумал какой-то солдатский гений!

Я не понимал, почему в Ростове комары появляются по

погоде: перед дождём, при падении атмосферного давления, а здесь — они были всегда до глубокой осени и ничего их не смущало.

17

Ещё одним местом повышенного солдатского внимания был базовский клуб, который состоял как бы из двух частей: зимнего, капитального здания с кинозалом и сценой, и летней веранды с рядами длинных, выкрашенных синей краской скамеек перед большим белым киноэкраном.

В клубе по субботам и воскресеньям показывали кинофильмы, иногда к нам заглядывали артисты из города или округа и давали концерты, особенно большие, — перед какими-то праздниками, проводились разные важные собрания и другие мероприятия типа объёмных собраний. Получалось, что практически каждый солдат нашего полка хотя бы раз в неделю, но в клубе бывал.

В начале лета по базе «прошёл слух», что к нам, с одним из московских полков, прилетел знаменитый наш асс, трижды Герой Советского Союза, генерал Иван Никитович Кожедуб, тогда — заместитель главкома ВВС страны, а вечером мы увидели его в летнем клубе. Зачем он прилетал на нашу базу, что делал на аэродроме, мы не знали, но он очень отметился в нашем сознании своей негенеральскими простотой и задушевностью в обращении с солдатами.

Обычно, все «прилётные» офицеры, как советских, так и «варшавских» полков, по окончании дел на аэродроме, спешили в город. Чем они там занимались, можно только догадываться. Демократы из Болгарии, Польши, Венгрии Румынии скупали всё железное — кастрюли, сковородки, ложки, вилки, кружки, утюги и тому подобный бытовой металл. Один венгр даже где-то раздобыл и тащил в гарнизонную гостиницу старую зингеровскую швейную машинку. В их странах дешёвыми были изделия

из пластмассы, а всё металлическое — очень дорого. Вот они и старались воспользоваться случаем приезда в СССР и купить то, что в Союзе было гораздо дешевле. Они прилетали своими транспортниками и доплачивать за лишний груз в самолёте им не приходилось. Но, судя по количеству закупок, «железо» приобреталось не только для себя. А вот летали болгары, венгры, румыны, поляки, на наш искушённый взгляд, неважно, может, из-за врождённого национального стяжательства. Это мы так думали, — надо же эти два разных качества как-то объединить.

Зато хорошо летали немцы и югославы. Некоторые, «почти» как наш «дед». И, наверное, потому, что ничего не покупали, — не обременяли свои головы проблемами закупок и их транспортировки. Говорили, что они ходили по городу и только на всё смотрели. Видимо, установка у них была такая: смотреть, но не покупать. И за это мы их уважали больше, чем других.

Ещё были вьетнамцы, выпускники советских лётных училищ. Тогда как раз во Вьетнаме шла война с американцами. О них можно говорить много, но скажу одно: когда вьетнамский лётчик на своём МиГе катил мимо по рулёмке, все «удивлялись», как он это делает. Потому что, казалось, что в кабине самолёта никого нет, и тот катится сам по себе. Только иногда блеснёт в свете солнца верхняя полусфера шлемофона, и тут же скроется, — настолько все они были маленького роста. Как они летают, никто из нас не знал, но не разбиваются, и то, Слава Богу... И ещё про них говорили, что участвуют они на Родине максимум в трёх боях, и погибают...

уда девались в свободное время офицеры советских полков, мы не знали. Может, просто отсиживались в гостинице. Никуда не девался тогда только один человек — генерал авиации Иван Никитович Кожедуб. Каждый вечер после ужина и задолго до кино, которое нам с его приездом стали показывать каждый день, он приходил в летний клуб, усаживался на скамью, — одетый в спортивный костюм и полукеды, он не выделялся генеральскими звёздами среди посетителей клуба, — но тут же его окружала

целая толпа солдат, — начиналась общение — простая задушевная беседа, в которой было и смешное, и серьёзное. Вопросы задавались любые, и на все Иван Никитович охотно отвечал, всегда что-нибудь интересное рассказывал.

Солдаты льнули к генералу, проявляя высшую степень уважения к лётчику-легенде, а он сполна платил нам — молодым ребятам, не видевшим той страшной войны, в которой он участвовал, — тем же. И чувствовалось, что все мы: и рядовые, и генерал были одним народом, воинами одной народной армии.

А однажды с генералом в клуб пришёл базовский фотограф и сделал общий снимок: «Иван Никитович Кожедуб с солдатами и сержантами астраханской авиабазы», который потом напечатали в гарнизонной газете. А утром он улетел, и все мы уже жалели об этом — нам долго потом будет не хватать общения с легендой — генералом Иваном Никитовичем Кожедубом, но мы гордились тем фактом, что были участниками встреч с живым трижды Героем Советского Союза. Настоящим Героем...

В авиации все командные должности занимали только летающие офицеры и генералы. Не знаю, был ли тогда Иван Кожедуб летающим заместителем командующего ВВС или для него сделали исключение. Впрочем, нас это не интересовало: для нас он был просто человеком-легендой, доступным и понимающим солдата.

Так пролетела неделя с Кожедубом, и было очень жаль, что она закончилась...

18

Чёрным днём 27 марта 1968 года вместе со своим командиром полка Владимиром Сергеевичем Серёгиным погиб Юрий Алексеевич Гагарин. И практически через две-три недели к нам на «отстрел» прилетел полк «Серёгина», в котором проходили лётную стажировку космонавты.

Тогда не только страна, весь мир говорил о гибели первого космонавта, — и каждый пытался хоть как-то узнать причины этой трагедии.

В полку «Серёгина» тоже были солдаты-механики, и мы, естественно пытались что-то выведать у них о гибели космонавта. Они тогда отличались от нас тем, что у них у всех были одинаково хмурые лица, и отвечали они на наши вопросы одно и то же: не знаю. Возможно, им запретили что-то рассказывать посторонним, но, скорее всего, ребята на самом деле ничего не знали, — они же не были вместе с погибшими пилотами в самолёте, а информация была такая, что даже шёпотом её старались не разносить. Хотя мир так устроен, что любая информация каким-то непостижимым образом всё равно когда-то просачивается к широким массам.

А ещё через неделю полк улетел, оставив нам кучу безответных вопросов, а вскоре появилась и длинная официальная версия, из которой ничего нельзя было толком понять. Якобы Гагарин, избегая столкновения с «падающим» на него новейшим тогда самолётом «СУ-15», резко отвернул в сторону и на малой высоте свалился в штопор...

А через месяц в полку «СУ-11» появились два тех самых «СУ-15», о которых говорили при аварии, — при виде этого «тяжеловеса» многие согласились с версией катастрофы самолёта «МиГ-15» Гагарина-Серёгина. Да, мощная машина, — коротенький «Мигарёк-15» по сравнению с ним просто пушинка, попасть ему даже в спутный след двух мощных двигателей уже катастрофа. Тайна гибели первого космонавта, говорят, и по сей день полностью не раскрыта. Вероятно, для широкой публики...

Однажды, в начале лета произошло нечто необычное. Весь гарнизон нашей авиабазы выгнали на дорогу, ведущую в город, и заставили собирать в мешки мусор и на ней, и рядом с ней,

даа гражданские рабочие-коммунальщики, одновременно с нашим сборами мусора, красили известкой дорожные столбики и даже стволы редких деревьев у дороги. Никто ничего не понимал, никто ничего не объяснял. Это много позже кто-то ушлый придумал название такому действию: «Красить для высокого начальства траву в зелёный цвет». Часа четыре больше сотни солдат «ползали» на семи километрах дороги, приводя её «в надлежащий вид». Наконец дали отбой, личный состав погрузился в бортовые «ЗИЛы» и отправился по казармам. И только к вечеру просочился слух: кто-то очень большой и важный прибывает в Астрахань и, наверняка, поедет в Обком КПСС, дорога не должна «смущать» мусором начальственный взор, потому обязана выглядеть идеально чистой. Я, думаю, по такому случаю далеко не все машины в тот день пропускали на дорогу в аэропорт.

На следующий день со нашего «старта» мы увидели это самое «высокое» начальство. На главную полосу приземлился не совсем обычно раскрашенный «ИЛ-18», вырулил на гражданскую стоянку аэродрома. Подкатили трап, открылась дверь, из самолёта вышел сам Леонид Ильич Брежнев, очень похожий на свои многочисленные бровастые портреты, за ним, как горох, посыпались сопровождающие.

По случаю прибытия партийного вождя наши полёты перенесли на четыре часа позже, — но нам всё было интересно, и мы, побросав работу, смотрели на происходящее, «раскрыв рты».

Генсека встречала целая толпа местного гражданского и военного начальства. Леонид Ильич всех приветствовал: кого-то расцеловывал, кому-то просто пожимал руку, что-то всем говорил. Он был в спортивном костюме, и, видимо, это во многом снимало напряжение.

Неожиданно, вместо того, чтобы идти к, ждущей его, кавалькаде легковых машин, Генсек резко повернулся и направился к стоящему неподалеку вертолёту, с медленно вращающимися

винтами. Ему помогли взобраться в кабину, несколько сопровождающих лиц последовало за ним, винты набрали обороты, машина взмыла и скоро исчезла в южном направлении...

— На рыбалку или охоту полетел в пойму, — сказал кто-то из офицеров на «старте». — Большой любитель охоты... В обком не захотел.

— Что он там забыл, — отозвался другой. — Зато теперь местные партийные шишки облегчённо вздохнули, хотя всё равно их внимание будет приковано к пойме, но это гораздо легче, чем к делам...

Мы чувствовали себя крупно обманутыми. Нам было жутко обидно за свой «мартышкин труд». А ведь на самом деле получается так, что мы, «ползая» по дороге всего лишь «на всякий случай» предохраняли местных партийных бонз от возможного недовольства Генсека. А он, может быть, и ничего не заметил бы. Кому это нужно? Нам? Год дорогу никто, кроме ветра, не мёл, а тут решили даже «вылизать»! Ну, хотя бы взял да на минутку заехал в Обком. Или к нам в городок, что ближе... И мы бы не зря «ползали»...

Но таковы отношения высокого и не очень высокого начальства, их жизнь, и наши желания с ними никак не стыкуются. Так всегда и во все времена, когда второе лицо очень боится первого и всегда боится одно своё ответственное место...

20

Был в полку особый наряд, который тогда существовал (наверное, существует и сейчас) в каждой воинской части: караул у знамени полка. Строгий, ответственный наряд, и, как тогда говорили, почётный, в него назначали, якобы, лучших солдат части. Попал в число этих «лучших» и я.

Правда, мы, по своей молодой простоте, особого почёта не чувствовали, а вот то, что это и самый физически тяжёлый наряд, поняли сразу. Два часа простоять не шевелясь, только изредка

переходя из стойки «Вольно» в стойку «Смирно» и назад — это, когда кто-нибудь из проходящих мимо знамени (а они бродят днём по штабу почти непрерывно), отдавал ему честь, а ты должен был отвечать вытяжкой «Смирно» и поворотом головы в сторону идущего, — скажу прямо не очень легко. Хоть ты и молодой. Позже кто-то из наших ушлых караульных где-то «раскопал», что при неподвижном стоянии на двух ногах у человека работают около 200 мышц, тогда как при ходьбе в половину меньше, потому и устаёшь в два раза быстрее.

И так сутки — четыре раза по два часа. И тут многое зависело от того, в какую смену ты попал.

Самой лёгкой считалась первая смена: с шести до восьми вечера по штабу уже реже ходят офицеры, да и ты ещё свеж и полон сил, с двенадцати до двух ночи спать уже хочется, но ещё не сильно, а в шесть утра — привычно просыпаться, да и заканчиваешь ты караул на четыре часа раньше остальных караульных — в два часа дня.

Потому все стремились попасть в первую смену. Но кому-то нужно было ходить и в третью — самую невыгодную и трудную. Но слово старшины было «железным»: куда скажет, туда и пойдёшь. Короче, наряд был на самом деле не из простых, контролировался жёстко, — ведь при утрате знамени воинская часть расформировывалась, её командир шёл под расстрел, — а выбор лёгкости смен, в общем-то, ничего не давал.

Но чувство затаённой гордости своим особым нарядом он всё же приносил: воспитанные на уважении к знамени вообще, мы чтили его, и эта причастность к охране знамени оправдывала все трудности.

Но может, тут была и доля и другого ощущения, самого главного для нас в полку, — быть «неприкасаемым» для всех остальных нарядов и караулов, и никакой старшина не мог тебя «засунуть», например, на кухню или ещё куда-то.

Наряд «Под Знамя» давал нам ещё одно преимущество перед

другими нарядами: команды «знамёнщиков» формировались приказом по полку, и мы знали все свои смены и могли вычислить дни их на полгода или даже на год вперёд. Что это давало нам, мы не знали, но какое-то чувство удовлетворения оно приносило. Ты всегда заранее знал, когда тебе заступать.

Ночью стоять у знамени было гораздо легче. Штаб пустой. Каждый шаг в нём гулко разносился по коридорам двух этажей и вызывал в тебе напряжённое внимание. Это могли быть шаги начальника караула, или дежурного по части, или, крайне редко, проверяющего — дежурного по гарнизону. Только ночью уже самым трудным становилась борьба с засыпанием. Главным усилием было: не заснуть и не попасть под «визит» проверяющего.

Москвич Витька Чернышов однажды не выдержал, приставил карабин к стене, а зад приткнул рядом и, стоя, как лошадь, сладко заснул. И нарвался на дежурного по части. Тот, обнаружив, спящего часового, тихонько пробрался к знамени, забрал беспризорный карабин и отнёс его в караульное помещение, предъявил «трофей» и «устроил скандал» начальнику караула.

Что потом было?! Витьку и начальника караула с полгода «крестили» вдоль и поперёк, приводили их нам, как преступный пример, почти на каждом построении полка, — ну и так далее. Но удивительно, даже на губу не посадили, хотя Витьке реально грозили военный суд и дисциплинарный батальон. Но в армии подобные вопросы решает командир части. Видимо, сработало то, что в авиаполках каждый хороший механик на учёте и заменить его сразу не так просто. Предпочли боевую готовность полка наказанию за разгильдяйство рядового солдата. Да, как мы понимали, шум произведённый вокруг имён провинившихся солдат, давал больший эффект дисциплины для всех караульных, чем осуждение где-то в неизвестном месте и отправка в неизвестном направлении.

Я, чтобы не заснуть, брал в базовской библиотеке книжицы стихов формата А-6, которые помещались в нагрудный карман

гимнастёрки и ночами потихоньку читал, при этом всё слышал и всё видел. Позже в этом кармане нашлось место для небольшого блокнотика и карандаша. Писать стоя было неудобно, но ведь хорошую мысль нужно срочно зафиксировать на бумаге, пока она не убежала. Приходилось стараться. Тем более, когда слышишь рассветное пение птиц за окном, и мир тебе кажется прекрасным и гармоничным...

Это, конечно, тоже было нарушением, но не столь тяжким, как сон на посту №1. Да и вероятность быть пойманным сводилась к нулю, — в гулком ночном коридоре была повышенная слышимость. Но облегчение при несении наряда всё же приносило большое...

21

В те времена в СССР не принято было «косить» от армии. Может, кто-то где-то это и делал, но тогда всё это глубоко пряталось, и не только за вероятное уголовное преследование «косаря». Просто отлынивать от армии в стране было не престижно, потому что сразу ставило перед всеми интересующимися один и тот же вопрос: «Тебя не взяли в армию, ты, наверное, какой-то больной?»

Быть «каким-то больным» молодому парню в те времена не очень-то нравилось, тем более, когда все его друзья и одноклассики были здоровыми и шли в армию, а девчонки «ждали» уже их, переписываясь.

Всё тот же Витька Чернышев из Москвы был сыном генерала, работавшего в министерстве Обороны, и когда парни нашей эскадрильи спрашивали у него, почему папаша не «пристроил» его служить (не «откосил», а «пристроил»...) куда-нибудь на «хорошее» место в столице, он отвечал сердито: «Об этом даже говорить нельзя было. Отец сказал, я начинал с нуля, начинай с нуля и ты. Иди, служи Родине...»

В те времена это было нормально. Как и мышление самих

генералов, потому что генералов-олигархов ещё не было.

Я не знаю, как с этим обстоит в современной армии, но тогда ребята, начиная с четырнадцати лет, когда впервые попадали в поле зрения военкомата, спокойно готовились к службе в армии, а, когда подходил призывной возраст девятнадцать лет, также спокойно уходили служить по призыву. На три года. Против которых нынешний срок в один год, кажется почти пустяком.

Тогда о призыве на три года бытовала такая поговорка: «Солдат служит всего один год — второй. Первый год он привыкает, второй — служит, а третий — собирается домой...» Это, конечно, простой солдатский юмор, но не без основания — третий год выделяется своей исключительностью, которая иногда приводила к дедовщине, о которой так часто рассказывали в России на гражданке. Особенн, не служившие журналисты...

Наверняка, дедовщина где-то существовала, но у нас даже каких-либо признаков её не существовало, и как однажды нам сказал замполит эскадрильи майор Ч., дедовщина эта исходит прежде всего от командира части (полка). Если командир части не хочет заниматься бытом солдат и перекладывает его на офицеров, в части обязательно будет дедовщина, потому что в таких случаях офицеры тоже не хотят заниматься солдатами и профилактикой дедовщины, и перекладывают свои прямые обязанности на заслуженных «дедушек» — солдат третьего года службы.

И тогда дедовщина расцветает жестоко и буйно. Ведь не зря же в России родилась поговорка: «Из грязи в князи всё равно грязь...», а «дедушки» в этом старались преуспевать.

Я прослужил два с половиной года и не видел дедовщины. Наш род войск, где офицеры, скорее старшие товарищи, чем командиры, ей вообще не соответствовал. Кроме того — ситуация. В ШМАСе мы все, кроме сержантов-помкомвзводов, наших первых командиров, были молодыми первогодками, то есть, равными друг другу. В полку мы сразу становились солдатами

второго года службы — уже основной подразделения. К тому же за каждым механиком: и второго года, и третьего года одинаково был закреплён самолёт или какая-то служба, и каждый занимался своим «объектом». Правда, иногда старшина делал «дедам» некоторые поблажки при распределении нарядов, но то и были именно поблажки, не более.

А главное, тогда никто не пугал армией, ребята действительно возвращались из армии возмужавшими, окрепшими и физически, и духом, — уходили пацанами, а возвращались мужчинами. И это видели все.

Удивительно или нет, но я не встречал ещё ни одного человека, прошедшего Советскую Армию, который бы сказал, что ему в армии было плохо. У каждого было что-то своё, бывало трудно, но никогда плохо, — потому каждый говорил о своей службе с гордостью и достоинством. Потому что не только риторически, — традиционно считал себя причастным к великому делу защиты своей Родины, чувствовал у себя за спиной, помимо великого государства, и единый многонациональный народ, в числе которого были и близкие ему люди. Армия делала нас патриотами и совсем не через неистовую пропаганду, тем более, не за деньги...

Так и должно быть...

22

У меня оставался ещё целый день до отъезда — поезд мой уходил в 22-30. Город я уже осмотрел достаточно и почти всё, что хотел, увидел. И я был вначале уверен, что в этот заключительный день моего пребывания в Астрахани я обязательно найду последнее из того, что искал: оставалась лишь наша база с аэродромом, — мне очень хотелось приблизиться к ней, глянуть «хоть одним глазком» на ворота КПП, может, прикоснуться к ним рукой, даже понимая, что это уже совсем другой объект. Но надо ведь постоять рядом с ним, подышать воздухом пятидеся-

тилетней выдержки вокруг него, что-то почувствовать внутри себя (надеяться на то, что меня пропустят за ворота КПП я не мог никак) и удовлетворённым уйти — вот и вся моя цель, вся мечта. Но, как всегда неожиданно вмешалось это самое «но».

Вечером из Ростова прилетели две проблемы. Как раз в то время, когда я, сидя за планшетом, подводил итоги второго дня. Часов около восьми вечера мне позвонил из Ростова один наш писатель и рассказал о двух серьёзных проблемах, которые образовались в моё отсутствие. Потом позвонил ещё один, потом ещё и ещё. В тот вечер звонки от писателей отделения сыпались как из рога изобилия.

Проблемы эти не имели никакого отношения к моему визиту в Астрахань и этим моим запискам, поэтому я их не привожу подробно, а лишь упоминаю о них, потому что драгоценного времени поездки они у меня забрали предостаточно и сломали практически все дальнейшие планы и намерения.

Но получить всю полноту информации было необходимо, поэтому и мне в свою очередь пришлось звонить в Ростов и даже в Москву. Этот встречный «перезвон» тянулся до поздней ночи, а утром продолжился снова. Полдня ушло на выяснения: информация, наконец, получена, выводы сделаны, но настрой куда-то бежать и что-то искать уже исчез совсем — только нервная усталость. Своё дело этот «перезвон» совершил: мне уже ничего не хотелось, я уже ни к чему не стремился. Да и времени до отъезда оставалось не так много. «Песня души» была прервана на самой «высокой ноте». И я стал элементарно собираться домой. Даст Бог, ещё раз приеду, увижу город, который всё также влечёт меня к себе...

Соседями по купе оказались две женщины-астраханки: мама со взрослой дочерью — очень приятные люди. Странно только, что мама на вид была стопроцентной калмычкой или казашкой, хотя говорила по-русски чисто, совершенно без акцента, а дочь — вылитая светловолосая и белокожая славянка. Впрочем, она могла быть и приёмной дочерью. Когда я всё же

решился спросить у них об аэродроме в Трусово, мать ответила: «Кажется есть в Трусово, какой-то аэродром, по-моему, он называется «Восточный». В знак подтверждения её слов, дочь кивнула головой.

Ну, слава Богу, хоть что-то узнал. Правда, поздновато. Позже дочь, покопавшись в телефоне, всё же нашла в Интернете значок на карте города, означавший «Аэродром Восточный», который ни о чём не говорил и понять по карте, что это такое, было невозможно. Единственно, что я понял, он находился на том самом месте, где и должен был находиться, и всё. И ещё я понял, что искать мне нужно было, двигаясь не на север вдоль Волги, а на запад от неё. Я уже писал, что наша база была довольно далеко от реки. Но я этого не учёл в своих поисках.

Теперь всё это было уже не важным для меня, — поезд настойчиво стучал колёсами по рельсам, всё больше отдаляя меня от города Астрахань. Но я всё-таки подумал тогда: раз подобный объект есть на Интернет-карте, города, теперь он вполне может быть лишь географическим названием городских кварталов, как, например в Москве «метро «Аэропорт» без аэропорта и все мои поиски всё равно были бы тщетными. Всё может быть. Понятие «Аэродром Восточный» ещё не означает наличие на нём военных самолётов и присутствия военной базы, может там теперь что-то вроде лётной школы или отделения современного ДОСААФ, или просто сохранено название. За полвека город поглотил территорию базы и аэродрома, и там, где раньше была дикая астраханская степь, теперь появились жилые дома. А мне-то нужно было сделать самое простое: всего лишь взять такси и сказать водителю: «К аэродрому Восточный...» Тогда бы из этого может быть что-нибудь и вышло. В общем, одно — «если бы да кабы...». Ведь раньше там была степь со своими степными ориентирами, а теперь незнакомый мне город без ориентиров для меня. Случилась какая-то неудача, но, видимо, так и должно было быть... И я резко перехотел искать. И может,

---

в этом главная причина неудачи.

Сейчас сколько не оправдывай свои действия, сколько не ищи уважительные причины, — всё бесполезно, — эпизод закончился, и действие по нему уже не возвращается, лишь чуточку оставляет надежду на повтор. Поезд на Ростов уходил в черноту астраханской ночи...

Время — такая коварная штука, оно всё меняет, всё стирает, и ничего ты в нём не найдёшь, если не вовремя», как бы не надувался от желания и усердия.

Непредвиденные обстоятельства в Ростове прервали «песню моей души», но всё равно она дала мне положительный заряд — я побывал в городе своей юности, который по-прежнему мне дорог... Теперь, я надеюсь, что читателю, если таковой найдётся, будет понятно, зачем я так стремился к заветной цели, и совершил эту поездку, чтобы снова ощутить какие-то мгновения далёкой юности, и почему мне было всё же трудно признавать тот факт, что я так и не достиг её. Или почти не достиг...

«Ну что, нашёл? — возможно, кто-то, прочитав эту повесть, ехидно спросит. — Ни черта ты не нашёл, только зря потратил деньги и время... Чу-уди-ило...»

В ответ я, скорее всего, промолчу. Потому что, не бывает зря потраченного времени, ведь потраченное тобою время, — это часть твоей жизни, а в жизни человека, говорят, многое предопределено, но не бывает зря потраченного времени. Да и была же «песня души», звучала она, звала меня вперёд. И что с того, что песню эту смогли прервать обстоятельства, она продолжала звучать во мне своими отголосками и всю обратную дорогу, и год спустя, да и сегодня ещё не стихла совсем. У человека почти всегда есть надежда повторить что-то очень желаемое...

Ну и, естественно, мне хочется, чтобы читатель мой был заинтересованным, тогда он поймёт мои заметки... И — мои стремления... А это главное...

Ну, а «на нет и суда нет...»

23

Эту главку пришлось спешно дописывать уже после публикации повести на сайте «Донской писатель». Она возникла внезапно, сама по себе, но обойти её своим вниманием я не мог, так как события в ней как бы выводили меня на цель и вновь на высокой ноте завершали мои поиски.

Как порою бывает в жизни, человек что-то ищет, прилагает максимум усилий в поисках, но у него ничего не получается, и он, в конце концов, смиряется, находит себе какие-то компромиссные объяснения и прекращает поиски. И тут вдруг события начинают развиваться сами по себе, без участия человека, и, вопреки всему, неожиданно приносят положительный результат.

Так или примерно так случилось и со мной. Прошёл почти месяц с тех пор, как я поставил заключительную точку этой повести, подготовил и отправил для публикации на сайте «Дон-писатель», и вот однажды я, без всякой мыслимой причине, работая с Интернетом, решил ещё раз посмотреть на карте «аэродром Восточный» — может, что-то разберу в неясных изображениях нагромождений улиц и кварталов.

Как обычно высветился красный флажок на месте объекта и название «Аэродром Восточный», разобрать ещё что-то было практически невозможно, и я хотел уже было уйти с сайта, как вдруг из большого красного флажка выскочил маленький зелёный и, словно взлетающий самолётик, помчался куда-то на север, неся на себе надпись: «Аэродром Приволжский».

Ага, вот оно что! Вышло то, о чём совершенно не думал, чего не предполагал. И я начал догадываться, что аэродром Восточный — это и есть тот гражданский «аппендикс» нашего военного аэродрома, на котором мы встречали «дорогого Леонида Ильича», а вот «аэродром Приволжский» — это уже кое-что новое и неожиданное, но, видимо, мне необходимое. И начал искать в Интернете. И нашёл. Даже Википедию. Нашёл

всё, что мне было нужно.

Какая же радость была для меня, когда я понял, что аэродром «Приволжский» — это и есть та самая авиабаза, на которой я служил! Что полк мой существует ныне и называется он почти также: «Учебный Центр Боевого Применения Авиации», только без Варшавского Договора! И даже почтовый номер нашей воинской части — тот же самый. Нашлись и более современные фотографии. Только самолёты, естественно, уже другие. Хотя и жаль нашего красавчика, боевого друга, но, к сожалению, всему своё время...

И снова душа будто запела. Это был щедрый подарок свыше!

Пусть, таким образом, но я всё-таки узнал, увидел, понял, ощутил свой полк, эскадрилью. Почувствовал их дух! Всё сразу стало зримым, настоящим. И отказаться от этой добавки к тексту, которая как бы подводит итог моих усилий и чаяний, приносит, если не ощущение победы, то чувство достижения цели, — я уже не мог, понимая его незавершенность, которую не должен ощущать читатель.

Ну, вот теперь, видимо, всё — добавлять нечего, но ставлю не точку, а многоточие... А вдруг?!

*25 августа 2022 года — 28 октября 2023 г.
Астрахань, Ростов-на-Дону*

СОДЕРЖАНИЕ

«Будто прерванная песня души».

5

БЕРЕГОВОЙ АЛЕКСЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ

Маленькая повесть

Редактор В. Зименко

Вёрстка В. Анистратовой

Издательство Литературного фонда России

«Донской писатель»

344002, Ростов-на-Дону, пр. Шолохова 1 оф.2

т. 8-918-599-67-51

Подписано в печать 01.01.2026 г. Формат 60x84 1/16
Объем 82 стр. Обложка картон «Лён» 4+0
Бумага офсет. Тираж 300 экз.
Гарнитура Times New Roman

